

*Мария
Эльнорд*

ДЕМОН

18+

10 МИЛЛИОНОВ ПОКЛОННИКОВ В СЕТИ

Мария Эльнорд

Демон

Серия «Хиты Wattpad»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50935580
Демон. Роман: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-120504-1*

Аннотация

Охваченная горем, Эмилия Грин переезжает на родину своей матери в надежде начать все с чистого листа. Но тихой и спокойной жизни приходит конец, когда она встречается его, Демона города Лафайет, для которого не существует ни правил, ни законов, а один только его взгляд вселяет ужас и страх.

Эмилию поражают жестокость и грубость Демона, но она ничего не может поделать со своими зарождающимися чувствами. Тем более что парень – ее единственная ниточка к пропавшей при загадочных обстоятельствах матери.

В конце концов, кто сказал, что ее свет лучше его тьмы?

Содержание

Часть 1	4
Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	54
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	80
Глава 12	84
Глава 13	88
Глава 14	94
Глава 15	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мария Эльнорд

Демон

Роман

Часть 1

Пролог

Когда я была маленькой, мама часто говорила мне, что нужно оставаться сильной и слушать только свое сердце. В ее словах слышалась недосказанность, как будто эти наставления могли однажды изменить мою жизнь.

Она всегда улыбалась, и в карих радужках родных глаз искрились тепло и нежность даже в моменты наших редких ссор. Мама делилась с миром неподдельной и безусловной любовью и никогда не жаловалась на жизнь, хотя жила в тесной квартирке на окраине Лос-Анджелеса с ребенком.

– Эми! – слышу сквозь толщу воды его крик. – Не умирай, прошу тебя!

Мне хочется открыть глаза, прикоснуться к нему, сказать, что все хорошо, но меня уносит в небытие. Долгожданное

умиротворение рядом, оно готово увлечь меня за собой в неизвестность. Но даже тьма не страшна, когда слышишь голос любимого человека.

– Прошу, не оставляй меня!

Глава 1

Дождь

Лафайет, штат Луизиана, США

Я дергаю ручку двери. Замок, как всегда, упрямо заедает, и я проклиная тот день, когда купила эту машину. Дергаю посильнее – дверца со скрипом открывается, и в салон врываются капли дождя.

– Спокойно, Эми, – бормочу себе под нос, – все не так плохо, как ты думаешь.

За пару мгновений морозящий дождик перерастает в ливень. Моя одежда становится насквозь мокрой, а волосы неприятно прилипают к лицу. Вдобавок ко всему начинается сильный ветер. Прикусывая нижнюю губу, я пытаюсь сохранять спокойствие, в то время как внутри меня бушует ураган плохих эмоций.

Не стоило приезжать сюда, в ее родной город, в поисках новой, спокойной жизни. Я подхожу к небольшому, знакомому мне с детства дому и окунаюсь в воспоминания.

Здесь все осталось прежним: огромные кривые ветви деревьев, нависающие над старым домом молочного цвета с бледно-голубой черепицей, запах сырого асфальта и лист-

вы, — все это напоминает мне о тех днях, когда мы с мамой приезжали к бабушке летом, и она угощала нас своей фирменной шарлоткой с хрустящей корочкой и блинчиками с корицей.

Я закрываю глаза и вдыхаю призрачный запах печеных яблок и теста. На мгновение мир перестает существовать: этот дождь, холод, моя разваливающаяся машина и бесконечные поиски матери, пропавшей год назад. Все становится правильным, и, переведя дыхание, я иду в дом. Дверь с жалобным скрипом открывается, впуская меня в уютную гостиную с моим любимым диванчиком у окна, где я часто сидела вечерами за кружкой какао и читала очередной бульварный романчик.

В Лафайете часто идут дожди. Улицы затапливало до тех пор, пока десять лет назад проблему не решили, переработав всю систему канализации. Страховые компании ненавидели этот город, а его жители ездили в основном на высоких джипах, чтобы в огромных лужах не залить мотор. Нашему дому всегда везло: он находился на небольшом склоне, что уберегало от наводнений.

Не сдерживая счастливой улыбки, с чувством сладкой ностальгии, я иду открывать гараж, чтобы завезти туда свою развалюху, которую купила у отца одноклассника пару лет назад. Теперь я понимаю, почему он так радовался нашей сделке: я разорилась на починку двигателя уже дважды за этот год.

Я паркую машину и невольно замечаю угольно-черный Форд Мустанг, притаившийся на другой стороне улицы. Из-за проливного дождя мне не удастся разглядеть водителя, отчего на душе становится тревожно. Эта машина кажется мне подозрительной, как и те полсотни, что встречались по дороге. Но даже когда я немного успокаиваюсь, когда моя мания преследования утихает, я не могу не отметить, что такая тачка – большая редкость в этом районе.

Заставляю себя отвернуться от тревожащего меня объекта и спешу поскорее закрыть дверь гаража.

«Ты снова себя накручиваешь, Эм», – мысленно повторяю и иду раскладывать вещи.

С уходом мамы меня не покидает чувство, будто за мной кто-то следит. Возможно, так мое подсознание отказывается принимать горькую реальность: поиски мамы прекратились пару месяцев назад. Ее причислили к пропавшим без вести. Весь прошлый год я была словно на иголках: утро начиналось со звонков в больницу и полицию, сутки проходили в бесконечном мониторинге новостей в Интернете, а вечера – в морге. Каждый раз, когда с мертвого тела поднималась простыня, мое сердце переставало биться. К счастью, ни одно холодное лицо не было ее лицом. Не могу поверить, что мама вот так просто бросила меня, и не могу смириться с тем, что ее, возможно, больше нет.

Моя комната находится на втором этаже, маленькая и уютная, в теплых молочных цветах. Там до сих пор хранятся

мои тетрадки и изрисованные альбомы, а в воздухе витает запах акварели вперемежку с каким-то сладким и непонятным запахом этого дома. Я смотрю на свою кровать. В детстве она казалась мне огромной, а сейчас мне в нее не уместиться.

Мамина спальня – напротив моей; в ней больше света. Я любила приходить к маме в ясные дни и наблюдала, как маленькие пылинки переливаются в солнечных лучах, представляя, что это волшебная пыль.

Кидаю сумку на потертое кресло и падаю на кровать.

Год назад не стало бабушки. После этой утраты, после похорон, в маме что-то изменилось. Она замкнулась в себе и решила ненадолго уехать, оставив меня в Лос-Анджелесе доучиваться последний семестр. Предварительно она переписала бабушкино завещание на меня, чтобы у меня за душой хоть что-то имелось, так что помимо денежных сбережений мне в наследство остался и этот дом.

После школы мне предлагали стипендию во многих университетах страны, но я выбрала университет Луизианы, ведь, возможно, именно здесь мне удастся найти зацепки, касающиеся исчезновения мамы.

Я аккуратно раскладываю вещи в мамин комод и расстилаю постель. За окном уже сумерки, а дождь до сих пор не прекращается. Я подхожу к окну и смотрю на улицу – машины больше нет, видимо, туристы заблудились. Несмотря на ужасную погоду, приезжие – частые гости этого городка. У

нас много музеев и парков, которые так сильно привлекают гостей. А еще здесь часто проходят музыкальные фестивали и ярмарки. Лафайет идеально подходит для спокойной, семейной жизни.

Обустроив комнату на свой лад и перекусив, я иду в душ, чтобы смыть с себя остатки дождя, попутно закидывая вещи в стирку. Дорога была очень долгой, поэтому, как только я попадаю в уютную постель и моя голова касается мягкой подушки, меня уносит в сладкий и безмятежный сон.

Глава 2

Том

Дыхание держу ровнее, сохраняю средний темп, чувствуя первые покалывания в боку. Пробежка с утра – не столь давняя традиция. Она приводит мысли в порядок и позволяет отвлечься. Я люблю слушать музыку во время прогулок, а во время бега она помогает мне подобрать нужный ритм.

Забегаю в небольшой парк и перехожу на шаг, чтобы привести пульс в норму. Вдыхаю полной грудью запах свежескошенной травы, и на лице появляется легкая безмятежная улыбка. Сегодняшнее утро подарило немного солнца, что так несвойственно для приближающейся осени в этом городе.

Выхожу на небольшую поляну, залитую солнечным светом, и наслаждаюсь теплом.

Спокойствие и умиротворенность – вот, что я ожидала от переезда, и мои ожидания оправдались.

«Где бы ты ни была, что бы с тобой ни происходило, знай: дома тебя всегда ждут и любят», – говорила мне мама.

Я вспоминаю ее слова, и пелена слез застилает глаза. Радость и печаль перемешиваются в ком эмоций, и я присаживаюсь на газон, обхватив колени руками.

Меня зовут Эмилия Грин, мне восемнадцать лет, и я со-

всем одна. Моя бабушка умерла, мама пропала, а отца я никогда не видела. Мама говорила мне быть сильной, но с каждым днем я теряю веру.

Надеюсь, хотя бы в этом городе я смогу жить по-новому.

Минуту лирики прерывает чей-то яростный крик, я вздрагиваю и всматриваюсь в сторону звука, а затем направляюсь к источнику шума. За деревьями, рядом с многолетним развесистым дубом, появляются силуэты людей. Пышные ветви скрывают их лица.

– Сколько раз повторять: не суй свой нос в чужие дела! – слышится чей-то грубый баритон.

Я прячусь за толстым деревом и наблюдаю за происходящим: тройка незнакомцев в капюшонах окружили парня, лежащего на сырой земле и захлебывающегося собственной кровью. Его одежда тоже пропитана ею, а еще грязью и пылью. Он хрипит и что-то бубнит себе под нос, постанывая от боли. Второй парень, тот, что в черной косухе, изо всех сил пинает его ногами в живот. Нападающего я не вижу, он стоит спиной, так что мне приходится раздвинуть листву, чтобы запомнить лица бандитов. Я опускаюсь на четвереньки и ползу под кустами, отделяющими меня от хулиганов, пытаюсь увидеть хоть что-то, но как только мне удастся найти лучший ракурс, незнакомцы растворяются в лесной чаще. Остался лишь окровавленный парень, и он, валяясь в грязи, продолжает хрипеть.

Я подбегаю к пострадавшему и вижу его разбитое лицо:

из носа хлыщет кровь, левый глаз закрылся от отека, а губы похожи на две огромные сарделины.

– Я вызову скорую. – В моем голосе слышится паника, но я стараюсь не подавать виду.

– Не надо, – тихо отвечает парень.

– Ты шутишь? Ты себя видел?! – Я собираюсь достать телефон из спортивного чехла на плече, как вдруг его пальцы впиваются в мое запястье.

– Я же сказал, не надо, – раздраженно чеканит незнакомец.

Секунда ступора в потоке мыслей, и решение приходит само собой.

– Вставай. – Пытаюсь сохранить спокойствие. – Ты сейчас захлебнешься.

Я даю ему руку и помогаю подняться. Парень кряхтит и машинально задирает голову вверх, чтобы остановить кровь из носа.

– Не нужно, – говорю ему и касаюсь ладонью его затылка. – Зальешь пазухи, пойдем, я живу неподалеку.

Я закидываю его руку себе на плечи и потихоньку веду к дому. Мы молчим, только слышно, как незнакомец шаркает по асфальту отяжелевшими ногами и время от времени сплевывает кровь.

Дома я усаживаю его на край ванны, а сама принимаюсь искать аптечку в своих еще не распакованных коробках.

– Ты запомнил их лица, сможешь их описать?

– Не надо никого описывать. Это был Адам Кинг – демон города Лафайет. Ты что, не местная? – Незнакомец осматривает мои вещи.

– Отсутствовала какое-то время.

– Теперь ясно, почему ты задаешь столько вопросов. – Он слабо усмехается, и я понимаю, что у него постепенно сходит шок и начинается нервный срыв.

Надо бы ему успокоительное дать. И себе заодно.

– Вот же она. – Я достаю коробку с медикаментами, нахожу в ней вату и бинты и изучаю сломанный нос незнакомца. – Погоди, я сейчас.

Достаю из морозилки пакеты со льдом и прижимаю их к переносице парня, отчего тот начинает тихо шипеть. Настойчиво обрабатываю ссадины и смываю кровь с его лица.

– Кстати, меня зовут Том, – бодро признается мой «пациент» и улыбается. Из разбитых губ сочится кровь. – Том Флинн.

– Эмилия, – его улыбка заставляет меня улыбнуться в ответ, – Эмилия Грин.

Несмотря на свежие, воспаленные раны, Том довольно симпатичный: правильные черты лица, темные волосы и ясно-голубые глаза. Такой цвет – редкость, поэтому я на пару секунд задерживаю на них взгляд, пытаюсь понять, носит ли он линзы, но так и не замечаю прозрачный ободок. Парень же не обращает внимания на мое любопытство, лишь слегка щурится, улыбаясь мне. Он излучает исключительное добро,

хоть и находится не в лучшем состоянии.

– Ты врач? – спрашивает он.

– Моя мама была медсестрой, я все детство провела в приемных покоях – хочешь не хочешь, а научишься оказывать первую помощь. Тебе по-любому нужно в больницу, у тебя сломан нос. И лучше поторопись, кости тут быстро срастаются.

Том медленно встает с бортика ванны.

– Спасибо тебе, Эмилия.

– Лучше просто Эми.

Он делает шаг вперед, но внезапно корчится от боли, схватившись за ребра.

– Все гораздо серьезней, чем я думала, – шепчу я, чувствуя, как от напряжения трясутся руки. – Я отвезу тебя в больницу.

– Нет.

Его упорство заставляет меня улыбнуться.

– Поехали, Том Флинн, больно не будет.

Он неохотно кивает и двигается за мной.

Мы садимся в машину, но уехать сразу не получается: развалюха заводится только с третьего раза, отчего у моего спутника вырывается смешок. Он скептически косится в мою сторону, явно намекая на ненадежность моей старушки.

– Зато не пешком, – пожимаю я плечами.

Мы выезжаем из гаража и двигаемся в сторону единственной больницы в этом районе. Том держит уже подтаявший

лед на переносице и периодически сдерживает гримасу боли.

– Чем же ты не угодил демону Лафайета? – решаю завести разговор, так как приемник давно не работает, а неподдельный интерес Тома меня смущает.

– Скажу правду, и ему придется тебя убить.

– Откуда же он узнает? Я ведь только приехала.

– Эми, у этого человека стерты понятия добра и зла. Он не любит, когда кто-то мешает его планам, и делает все, что ему заблагорассудится. Я один из немногих, кто пытается хоть как-то бороться с его тиранией.

– А почему никто не обращается в полицию?

– А смысл? Его отец – самый богатый человек в Луизиане, у него большой авторитет, он откупит своего пасынка от любой «шалости».

Очередной богатенький мажор позволяет себе слишком многое... Наверное, в каждом городе есть свой отморозок.

– Говорят, на выпускном он убил Джимми Смита, скинул его с моста, но полиция в итоге объявила о несчастном случае. – Том явно взволнован. – Но я не верю копам, хочу найти доказательства преступлений и упрятать Адама за решетку.

Меня поражает бесстрашие Тома перед таким чудовищем, как Адам. Мало кто не опускает руки, сталкиваясь с подобной безнаказанностью. Зато если сейчас Том снимет побои, виновник будет наказан.

Мы подъезжаем к больнице, и я провожаю Тома в прием-

ку. Некоторое время в коридоре слышатся переговоры. Мой новый знакомый о чем-то долго разговаривает с доктором, озадаченно покачивая головой. Я не придаю этому особого значения и листаю журнал о подростковой беременности, который валялся на столике.

– Спасибо еще раз, Эми, – вернувшись, говорит Том и весело подмигивает мне. – Я сейчас пойду на рентген.

– Тебя подвезти обратно?

– Не надо, все хорошо.

Врач как-то недоверчиво поглядывает на Флинна, а потом приглашает на процедуру.

– Пока, – улыбаюсь я, и парень скрывается в одном из кабинетов, а я закрываю журнал, так и не дочитав статью о том, «как рассказать родителям о незапланированной беременности».

Внезапно в коридоре раздается испуганный, надрывный голос:

– Том! Где мой мальчик, где он?

Я слышу женские всхлипы, слышу, как встревоженная посетительница допрашивает приемную медсестру. Перед глазами невольно всплывает образ моей мамы. Каждый раз, находясь на дежурстве, я видела, как ей приходилось сообщать плохие новости, и она всегда выглядела сдержанной и сильной.

Правда, когда что-то случалось со мной, мама теряла самообладание.

Я прислушиваюсь к плачу перепуганной женщины и к словам врачей. Больше всего меня удивляет причина травм Тома, которую озвучивает медсестра:

– Упал с мотоцикла.

Глава 3

Глаза зверя

Холод. Всепоглощающий холод и мрак окутывают меня, затягивают воронкой в бесконечный омут, и от безысходности на душе становится несоизмеримо гадко. Я бреду по темному лесу, но никак не могу отыскать выход. Слышу голос мамы, бегу за ней, но не вижу ее. Запутываюсь в корнях деревьев и падаю во что-то липкое и ледяное.

В нос ударяет ржавый запах крови.

– Эми, девочка моя, я здесь, – зовет меня мама еле слышно.

Она где-то там, среди деревьев. Ей плохо, я чувствую, как она борется, чувствую, как ей страшно! Но не понимаю, где она находится.

– Мама! – плачу я и начинаю утопать в кровавой грязи.

Мной овладевает паника. Пытаюсь ухватиться за корни деревьев, но они обращаются в пыль прямо в моих пальцах, и каждый шаг дается с невероятной тяжестью, будто мышцы во всем моем теле парализовало. Неожиданно вдалеке появляется пара светящихся глаз. Они движутся на меня, летят ко мне, и воздух разрывает нечеловеческий, животный рык.

– Нет! – кричу я и внезапно подрываюсь в своей постели.

Я рассеянно касаюсь ладонями лица и оглядываюсь, пытаюсь как можно скорее вернуться в реальность. Все те же

сиреневые обои, старый сервант и незамысловатый торшер, кровать, а на ней знакомые малиновые простыни – я дома. Какое счастье! Солнечные лучи пробиваются сквозь плотные шторы, и я замечаю те самые песчинки – звездную пыль, что в детстве любила разглядывать часами. Остатки дурного сна растворяются в памяти, и через пару минут после пробуждения я забываю весь страх, который пережила во сне.

Вчерашнее происшествие явно оставило след в моем подсознании. Хотя я и старалась держать себя в руках, но, придя домой после больницы, выпила успокоительное и провела остаток дня с трясущимися от напряжения руками.

Спешу поскорее в душ, чтобы смыть появившуюся в кошмаре кровавую грязь и начать новый день, который обещает быть трудным.

Сегодня первый учебный день в университете, нужно выйти пораньше, чтобы взять учебники из библиотеки и найти аудиторию.

После легкого завтрака я иду одеваться. Недолго думая, надеваю джинсы, красную рубашку в клетку и довольно смотрю в зеркало. Темно-русые волосы придают карим глазам выразительности, а джинсы элегантно облегают бедра. Мама всегда говорила, что у меня очень редкая красота, но я не вижу в себе ничего особенного. Мне нравится моя внешность, но я не люблю излишнее внимание, поэтому никак не подчеркиваю свой образ: не крашусь, не экспериментирую с волосами, а ногти крашу только в особых случаях.

Кидаю в сумку блочную тетрадь и расписание пар, распечатанное с сайта. Еще пара минут у меня уходит на то, чтобы проверить, не забыла ли я чего. Прохожу по дому, проверяя, выключены ли электроприборы и плита, а затем иду в гараж. Погода встречает меня легким дождем и сыростью, и все мои надежды на солнечное утро растворяются так же быстро, как намокают кроссовки, когда я пытаюсь открыть заевшие ворота. Сажусь в свою старушку и нетерпеливо бью по рулю, когда она начинает капризничать, кряхтя двигателем.

Дорога занимает не так много времени, поэтому мне не удастся морально подготовиться к скоплению студентов на парковке. Я никогда не слыла интровертом, просто в вечных поисках матери отвыкла от общения с людьми, ничего не знающими ни обо мне, ни о моей проблеме. С одной стороны, это даже хорошо: можно раствориться в толпе, и никто не обратит внимания на мой вечно хмурый, потерянный вид, ведь все заняты своими делами. С другой стороны, чувствуешь себя совсем одинокой в незнакомом шумном месте, словно пришел на вечеринку, где никого не знаешь, и пьешь пунш в углу, мечтая поскорее уйти.

Я паркуюсь на самом хорошем месте, прямо возле главного кампуса, и удивляюсь своей везучести: видимо, удача на моей стороне. Настроение поднимается, и впервые за долгое время меня посещает предчувствие чего-то хорошего. Я беру сумку и выхожу из машины, ловя странные взгляды студентов: одни тревожные, другие – злорадные, в принципе,

ничего необычного, ведь я новенькая. Ребята перешептываются, косятся на меня, и я начинаю нервничать, думая, что во мне не так? Что-то с одеждой?

– Эми? – слышу знакомый голос.

Из десятка разных лиц я нахожу знакомое возле небольшого джипа и стараюсь не запеть от счастья. Ссадины на коже, залепленный нос и фингал под глазом моментально возрождают в памяти наше знакомство. Этого парня я узнала бы из миллиона.

– Том? – Мой голос звучит чересчур радостно, и я ловлю себя на мысли, что готова обнять парня, но вовремя удерживаюсь от лишних сантиментов.

– Вот так встреча! Не знал, что ты тоже здесь учишься, – говорит Том, захлопывая дверь джипа.

– Первый день, – застенчиво улыбаюсь я, теребя в руках листок с расписанием. – Как ты себя чувствуешь?

– Жить буду. – Том тихо усмехается и заглядывает мне за спину. Неожиданно в его глазах появляется тревога.

– Эми, только не говори, что ты припарковала машину возле кампуса... – Его голос становится испуганным.

Звук разбивающегося стекла доносится быстрее, чем я успеваю обернуться. Моя машина начинает истерически визжать. Вмиг все студенты разбегаются с парковки, и я вижу *его*...

Не нужно обладать навыками сыщика или сверхинтуицией, чтобы понять, кто стоит возле моей машины. Этот про-

бирающий до дрожи взгляд объясняет все. Адам Кинг собственной персоной злобно глядит на меня, а потом на моих глазах пролезает через разбитое окно в салон и снимает тормоза с ручника.

– Эй, ты что творишь! – вскрикиваю я, но парень, не обращая на меня ни малейшего внимания, обходит мою тачку и что есть силы толкает ее.

Машина медленно скатывается с парковочного места.

Страх перед столкновением моего автомобиля с дорогой иномаркой побеждает инстинкт самосохранения. Я подбегаю к своей старушке и пытаюсь хоть как-то остановить ее, но тщетно: моя колымага целуется с бампером новенького Шевроле.

– Упс! – ядовито произносит парень и театрально качает головой. – И как таким девушкам права выдают?

На мое место заезжает черный Форд Мустанг, тот самый, который я видела в первый вечер около своего дома. Из машины выходят двое парней и злорадно смеются. Один из них, не отрывая от меня взгляда, отдает Адаму ключи. От негодования и беспомощности на глаза наворачиваются слезы, но я пытаюсь держать себя в руках.

– Какого черта ты творишь, Кинг? – Том подбегает к моему обидчику и хватает его за куртку. Двое шестерок вмиг оттаскивают его от Адама, но тот, кажется, готов в любую секунду напасть на уже и без того искалеченного героя.

– Не надо, Том. – Я встаю между ними.

Не хватало мне провести еще один вечер под успокоительными. Парень явно не из трусливых, но я больше не хочу никого спасать.

– О, погляди, Томми, у тебя появился защитник. – Грубый баритон Адама заставляет меня вздрогнуть. По телу пробегает неприятный холодок. – Как же тебя зовут, юный рейнджер?

Серо-голубые глаза Кинга сверкают злобой, а на лице появляется широкая улыбка чеширского кота. На шее виднеется татуировка орла с распростертыми крыльями, под левым глазом выбит маленький перевернутый крест, над бровью притаилась непонятная надпись. Городской демон излучает исключительную агрессию, от которой хочется скрыться, но я заставляю себя смело взглянуть ему в глаза, чувствуя предательскую дрожь в коленях.

– Не только защитник, но и свидетель. И я хоть прямо сейчас готова дать показания, что ты и твои дружки причастны к избиению Тома в парке.

Адам меняется в лице, а два его друга переглядываются между собой. Серо-голубые глаза, как две бездонные пропасти, наливаются гневом, и я предвкушаю нечто страшное, жалея о том, что сказала.

– Что происходит?

Меня спасает мужчина в бежевом костюме с черной папкой в руках. Видимо, преподаватель. На вид ему лет тридцать, у зеленых глаз залегли морщинки, а светлые волосы

аккуратно уложены назад. Он встревоженно оглядывается на пострадавшие машины, и до меня внезапно доходит, что Шевроле принадлежит ему.

– Мистер Блэк, – начинает Том. – Тут произошло...

– Недоразумение, – перебиваю я парня и ловлю его удивленный взгляд. – Я не справилась с парковкой и случайно задела вашу машину, простите.

В один миг Адам и его дружки растворяются, оставляя меня разгребать то дерьмо, которое они натворили. Я мысленно проклиная Адама Кинга и молюсь за здоровье Шевроле, отгоняя машину. Мистер Блэк изучает кузов, протирая пальцами пыль и грязь с бампера.

– Ни царапинки, – озадаченно говорит мужчина. – Как же вы так?

– У меня всегда были проблемы с парковкой, – вру с три короба.

– Как вас зовут?

– Эмилия Грин.

«Давай Эми, вылети из универа, даже не зайдя в здание», – проскальзывает у меня в голове.

– Что у вас сейчас?

Судорожно раскрываю свой листок с расписанием, и моему удивлению нет предела, когда я вижу имя преподавателя. «Генри Блэк».

– Основы журналистики.

Я влипла.

– Считайте это уважительной причиной для опоздания, Эмилия. А еще вот вам задание: напишите статью о нормах и правилах парковки.

Мистер Блэк садится в джип и принимается искать что-то в бардачке.

– Мне пора на лекцию, – говорит Том. – Еще увидимся.

Парень уходит, слегка прихрамывая, а я быстренько паркую машину неподалеку и решаю подождать своего преподавателя, чтобы вместе с ним пойти на пару. Мистер Блэк оказывается весьма приятным человеком. Всю дорогу до аудитории мы разговариваем о жизни, и я впервые говорю кому-либо об исчезновении матери.

– Я думаю, мисс Грин, все образуется, и, возможно, вы узнаете, что случилось с вашей мамой. Все в нашей жизни распутывается само собой, когда перестаешь об этом думать, – подводит итог мой преподаватель и открывает передо мной дверь аудитории, где уже сидят студенты, ожидающие начала лекции. Я сажусь на последний ряд и конспектирую все, что говорит Мистер Блэк, правда, из головы еще долго не выходит злобный взгляд Демона.

В остальном первый учебный день проходит прекрасно. У нас с Томом совпадают некоторые предметы, и я сижу вместе с ним, чувствуя себя не так одиноко. Он помогает ориентироваться в путаных коридорах университета, показывает библиотеку, столовую, рассказывает про общественные мероприятия. Периодически я ловлю на себе его изучающий

взгляд, тот самый, что появляется в наших глазах, когда нам кто-то нравится.

Честно говоря, мне тоже приятно проводить время с Томом.

– Почему ты не сказала Мистеру Блэку, что Адам разбил твою машину? – спрашивает Том, когда мы выходим из кабинета.

– По той же причине, почему и ты не захотел говорить врачам и маме о драке: не хочу лишней шумихи и разбирательств.

Парень покачивает головой. У нас обоих есть возможность манипулировать Адамом. Теперь я понимаю, почему он молчит. Том ждет, когда Кинг серьезно оступится и выложит все карты на стол.

Тогда откупиться будет труднее.

– Эми, я хотел спросить... – Его голос становится тихим, а в глазах загораются искры. – Не хочешь поужинать со мной на выходных?

Мои щеки вспыхивают румянцем, а на лице появляется застенчивая улыбка.

– Конечно.

– Отлично, я найду за тобой в воскресенье, часов в восемь. Хорошо?

– Договорились.

Голубые глаза Тома светятся от счастья, он поправляет рюкзак на плече и смотрит на часы.

– Совсем забыл, мама уже ждет меня, я пообещал свозить ее в магазин. Увидимся завтра, Эми.

– Пока, Том.

Парень уходит, оставив меня в пустеющем коридоре. Я пытаюсь припомнить, где нужная мне аудитория, открываю расписание и направляюсь на последнюю лекцию. Поиски занимают не так много времени, и уже через пару минут я подхожу к двери, предвкушая одну из самых долгожданных дисциплин. Ну, здравствуй, философия, как долго я мечтала об этих занятиях!

Я захожу в аудиторию и сразу же вижу... Демона. Мне хочется провалиться сквозь землю, испариться, перестать существовать, только бы больше не сталкиваться с ним взглядом и не испытывать это чувство беспомощности и страха. Адам сидит на предпоследнем ряду и косо глядит на меня, сверкая глазами.

Существует ли ненависть с первого взгляда?

Прикладываю все усилия, чтобы не смотреть в его сторону, сажусь в другом конце аудитории, на первый ряд, и достаю тетрадь для конспектов. Внутри меня с каждой секундой нарастает паника. Я знаю: он до сих пор за мной наблюдает, и он готов сорваться с места и разорвать меня на кусочки.

Когда начинается лекция, мне удастся немного отвлечься, но я никак не могу успокоить бешеный пульс. Вместо того, чтобы записывать за преподавателем лекцию, я копаюсь

в себе, силясь понять, откуда во мне такой страх? И дело ведь далеко не в Адаме. В этом городе я совершенно одна: ни знакомых, ни друзей, мне не с кем поговорить, поделиться своими переживаниями, получить моральную поддержку, и если со мной что-то случится, меня некому будет искать. Время перестает существовать, я не могу сконцентрироваться на словах профессора, не могу думать ни о чем, кроме как о желании поскорее вернуться домой.

Когда тревога превращается в паранойю, я поворачиваюсь в сторону, где сидит Адам, и страх уходит так же внезапно, как и появился. Парень играет в телефоне, а на его лице играет улыбка. Я вздыхаю от облегчения, задерживая взгляд на юноше, который сейчас выглядит, как все обычные студенты.

Разве он умеет чему-то радоваться?

– На сегодня все, – говорит Миссис Вуд.

Моему разочарованию нет предела. Я ничего не успела записать. Все свое школьное время мне так хотелось поскорее начать изучать философию, и в первый же день ожидание не совпало с реальностью, впечатление было испорчено. Я даже имя преподавателя не запомнила, пока не прочитала на его доске. Мой первый день в университете испортил этот проклятый Адам Кинг!

Раздосадованная и немного злая, я собираю учебники в сумку и выхожу из аудитории, но как только поворачиваю по коридору, чьи-то сильные руки хватают меня. Передо

мною сверкает пара бездонных глаз, наполненных холодом и тьмой. От обычного улыбчивого парня, которого я видела пять минут назад, не осталось и следа. Адам силой припечатывает меня к стене, и я больно ударяюсь затылком, отчего голова начинает кружиться.

Адам стоит так близко, что я чувствую его тепло. В нос ударяет сладкий перцовый аромат мужского одеколona. Парень всем телом прижимает меня к стене. Его лицо приближается, Адам слегка касается губами моей мочки уха, обжигая своим дыханием. Внутри все скручивается от страха, и я цепенею в его руках, способных в любую секунду свернуть мне шею.

– Слушай сюда, Мать Тереза, – рычит мне на ухо Адам с притворной сладостью в голосе. – Не лезь туда, куда не надо, иначе я оторву твой поганый язычок.

Мне кажется, я сейчас заплачу, сердце готово выпрыгнуть из груди, а ноги становятся ватными. Адам отстраняется, и его холодные ладони ложатся мне на шею. Он заглядывает мне в глаза. На лице Демона появляется зловещая ухмылка.

– Тебе все ясно?

Я не могу пошевелиться, собираю себя по кусочкам, в то время как мои эмоции полностью захватывают власть над телом. Он проводит пальцем по моей щеке и широко улыбается.

– Будь хорошей девочкой, ты же хочешь узнать, что случилось с твоей матерью, Эмили?

Его слова загоняют меня в ступор. Я стою как статуя и хлопаю глазами. Страх испаряется, а в душе загорается маленький лучик надежды. Адам Кинг прикусывает губу и уходит прочь, а я остаюсь на месте, понимая, что вот-вот разревусь.

Глава 4

Течение реки

Во всем мире не найдется слов, чтобы объяснить, в каком подавленном состоянии я прихожу домой. Меня настолько сильно бьет дрожь, что это больше похоже на конвульсии. Руки трясутся так, что я проливаю стакан воды на столешницу, а в горле застревает ком, который невозможно проглотить.

Ни один человек на Земле не вызывает во мне такого ужаса, как Адам Кинг. Его слова, его голос и взгляд до сих пор будоражат сознание. Мой живот скручивает от отвращения и страха, я бегу в свою комнату, ложусь под одеяло, сворачиваясь клубочком. Мне кажется, что весь мир настроен против меня, а судьба смеется, подбрасывая в мою жизнь таких людей как Адам, по-видимому, считая, что я недостаточно настрадалась.

Проходит какое-то время, и дрожь отступает, а на смену ей приходит апатия. Откуда он знает о моей матери? Подслушал ли он разговор с мистером Блэком и теперь пытается меня шантажировать?

«Он же блефует, Эм», – говорит мне здравый смысл, но что-то внутри подсказывает, что в его серых от злости глазах не было ни капли лжи.

Я сажусь на кровать и осматриваю комнату.

— Здесь ничего не изменилось, — говорю я вслух, и меня осеняет.

Ну конечно! Бабушка никогда не выкидывала старые вещи, а когда мама уезжала в Лос-Анджелес, кроме меня и предметов первой необходимости, она ничего не взяла. В спешке мама накидала одежды в чемодан, собрала меня и уехала. Будто бежала от чего-то...

Я подхожу к серванту и открываю первый ящик: старые тетради, ручки и фотографии с друзьями, которые я видела сотню раз. Должно быть что-то еще. Выворачиваю ящики и наконец нахожу небольшую железную коробку из-под печенья.

Открываю крышку и вижу стопку писем с пожелтевшей от времени бумагой. Адресата на конвертах нет, и я решаю прочитать содержимое, аккуратно разворачивая потертые листы.

Дорогая Сарра,

я не могу перестать думать о тебе и проведенном с тобой времени. Пусть ты говоришь, что это было ошибкой, я еще никогда не был так счастлив.

Все стало слишком сложно и запутанно, и я не знаю, как с этим справиться. Ты единственная, кто поверил мне, единственная, кто дал понять, что я чего-то стою. Я знаю, ты любишь меня. Можешь лгать сколько угодно, но твои глаза говорят обратное.

Я все улажу, поверь мне. Прошу, не выходи за него.

*Навеки твой,
Джон.*

Листок бумаги вздрагивает в моих пальцах.

Моя мама выходила замуж? Не может быть! Она никогда не рассказывала мне об этом, а бабушка всегда шутила, что мама была замужем, но только за работой. Неужели у нее был роман, да еще сразу с двумя мужчинами? Выходит, у меня два потенциальных отца, и, возможно, сейчас они проживают в этом городе.

Я открываю следующее письмо.

Дорогая Сарра!

Твоя мама – невыносимая женищина, сразу видно, в кого пошла моя любимая. Ты говорила, что нам нельзя видеться.

Но я не могу смириться с этим.

Сарра, я знаю, что это безрассудно и глупо, но давай сбегим?

У нас все получится, я обещаю.

Ты не просто так была со мной, я уверен, ты против этой свадьбы.

Я люблю тебя!

Джон

Вместе с письмами в коробочке лежат документы с заключением врача и положительные результаты анализов на беременность. Я снова копаюсь в комодe, но больше ничего не нахожу.

Неужели это все?

Я переворачиваю всю комнату, каждый шкафчик, каждый ящик, но мои поиски не венчаются успехом.

— Бред какой-то, — бубню под нос, складывая вещички обратно.

В любом случае, данная история далеко в прошлом, и вряд ли кто-то из этих двоих причастен к маминому исчезновению. Если только она сама не решилась на побег спустя столько лет, как и говорилось в письме.

У меня возникает огромное желание порвать на кусочки эти проклятые письма, но я терпеливо складываю их обратно в коробочку и иду одеваться.

Только на свежем воздухе мои мысли приходят в норму. Не стоит делать поспешных выводов, нужно довериться событиям. Я устала искать тайный смысл там, где его нет. Если бы мама хотела, чтобы я нашла ее, она оставила бы мне подсказки. А сейчас эти старые любовные послания уже ничего не значат, пусть и значили что-то в прошлом.

Потеряв счет времени, я оказываюсь на берегу реки и приобнимаю себя за талию, обретая душевный покой и наблюдая за тем, как солнце зажигает небо алым закатом. В воздухе витает неповторимый аромат свежести, приближаются сумерки, а вечерняя прохлада приятной влагой оседает на коже.

Пора бы уже поддаться течению и перестать сопротивляться.

— Давай! Сделай это! — вдруг слышу чей-то крик.

Я замечаю фигуры людей на мосту. Ребята кричат и борются друг с другом. Кажется, вот-вот и они сбросят одного из приятелей с моста. Я вскакиваю на ноги и стрелой несусь к бедолаге, понятия не имея, как смогу ему помочь. Перепрыгивая канавы и забираясь на холм, я карабкаюсь к дороге и вскоре оказываюсь на мосту.

– Ну, давай, сопляк, чего ты ждешь? – улавливаю знакомые голоса и с ужасом понимаю, что поздно сворачивать назад.

Парень срывается вниз и с криком падает в реку. Через мгновение он выныривает и громко смеется. У меня в запасе всего пара секунд, чтобы развернуться и уйти, но что-то останавливает меня, заставляя смотреть на Кинга. Что со мной происходит? Адам стоит, опершись об ограждение моста, и поворачивает голову в мою сторону. Его взгляд моментально наполняется тьмой, а на лице появляется дьявольская ухмылка.

– Хочешь попробовать? – зловеще мурчит он.

– Эй, да это же наш юный рейнджер! – смеется его друг, снимая обувь.

– Давайте сюда! – кричит парень снизу.

– Иду! – протяжно восклицает сумасшедший и, сняв одежду и оставшись в одних трусах, прыгает рыбкой вниз. Мы с Демоном остаемся одни, и Адам, наслаждаясь моментом, приближается ко мне.

– Не хочешь немного искупаться, Грин?

Отступаю назад, прекрасно осознавая, что мне не удастся убежать.

– Ах, нет, я же забыл, ты из тех трусих, которые боятся собственной тени.

В один рывок Адам хватает меня и поворачивает к обрыву спиной.

– Не надо, пожалуйста, – молю я, но парень непреклонен. – Я просто гуляла.

– Да ладно тебе, охладись, – злорадствует Кинг и наклоняет меня таким образом, что мои ноги отрываются от земли, и я балансирую на краю пропасти.

– Адам, прошу!

Чем больше я сопротивляюсь, тем сильнее его руки сжимают мои плечи. Снизу доносятся подбадривающие крики и смех. Лететь мне достаточно долго, но вряд ли я успею сгруппироваться перед падением. В лучшем случае сильно ударюсь об воду. Не знаю, чего боятся больше: адской боли или смерти.

«Будь сильной», – всплывают в памяти слова мамы, и внезапно в голове словно щелкает выключатель, и на смену панике приходит удивительное спокойствие. Я расслабляюсь, давая Адаму наклонить меня еще ниже, и заглядываю ему в глаза. Мы смотрим друг на друга как равные соперники перед боем, и я больше не вижу злости, не чувствую непонятной ненависти, что была при нашей первой встрече. Я вижу внутреннюю силу, которой всегда мечтала обладать, то,

к чему стремилась всю свою жизнь. Лишь на мгновение это необыкновенное, странное чувство проскальзывает в мою душу, и я шепчу:

– Давай, – и закрываю глаза.

Но падения не происходит. В одну секунду Адам как пушинку ставит меня обратно, а уже в следующую – в его серо-голубых радужках появляются знакомые мне тьма и ненависть. Он сжимает кулаки, напрягаясь всем телом, и мрачно произносит:

– Проваливай отсюда.

Глава 5

Загнанная в тупик

На следующий день парковочное место Адама пусто, что меня безумно радует. Я концентрируюсь на учебе, прилежно составляю конспекты и выполняю задания, в то время как коридоры университета гудят от сплетен о вчерашнем конфликте. Мы с Томом чаще видимся после пар, у нас появляются общие темы для разговоров, и я наконец-то чувствую себя как обычная студентка, а не как загнанная в угол мышь.

Всю учебную неделю Адама нет, и я тайно надеюсь, что причина тому – неудачные прыжки с моста. В любом случае, где бы он ни был, пусть задержится там подольше. День, проведенный без его безумного взгляда, – праздник для моих нервных клеток.

Когда я приношу мистеру Блэку статью о нормах парковки, он начинает смеяться.

– Мисс Грин, я не думал, что вы воспримите мое задание буквально, – преподаватель широко улыбается, листая работу.

– Я решила не рисковать. Мне, честно говоря, только в радость заняться делом.

– Тогда вам лучше быть писателем, а не журналистом.

На мгновение мне кажется, что он шутит, но в глазах ми-

стера Блэка читается искренность.

– Да что вы, у меня не столь богатое воображение.

– А по метафорам, которые вы используете в статье, так не скажешь. – Он пробегается глазами по тексту и откладывает работу на стол. – Ладно, мисс Грин, раз вам доставляет удовольствие выполнять дополнительные задания, вот вам еще одно.

Преподаватель открывает ящики и достает лист бумаги.

– На этой неделе одну из наших студенток ограбили и попытались изнасиловать. Девушка в порядке и сейчас находится в психиатрической больнице на обследовании. Вот список вопросов, если она, конечно, не захочет рассказать о случившемся сама.

С недоверием просматриваю вопросы. Я учусь здесь только неделю, а мне уже предлагают вести полноценное журналистское расследование. Зачем мистеру Блэку доверять первокурснице такое серьезное интервью?

– Спасибо. Правда... не слишком ли рано для подобных заданий? Я ведь еще не журналист.

– Это отличный способ им стать, мисс Грин.

Хочу возразить, но проглатываю слова. Все же приятно, что мистер Блэк доверяет мне. Лучше воспринять его задание как отличную возможность проявить себя.

– Большое спасибо.

Взгляд преподавателя непреклонен. Я кладу листок с вопросами в сумку и выхожу из аудитории, где меня уже тер-

пеливо ждет Том.

– Ты долго, – говорит парень, отходя от стены и лениво потягиваясь. – Все уже давно вышли.

– Мистер Блэк поручил мне дополнительное задание. – Я слышу в собственном голосе раздражение и пытаюсь смягчиться.

Том замечает мою тревогу.

– Эми, все в порядке?

– Ты что-нибудь слышал об ограблении и попытке изнасилования одной из студенток нашего университета?

– Да, мой отец с кем-то разговаривал по телефону. Якобы к ним в клинику попала девчонка из нашего универа. Девушка очень напугана, так как на нее напали. Кажется, ее зовут Джулия Кларк.

Более ценной информации я и не надеялась услышать. Мистер Блэк даже не назвал имени пострадавшей, наверняка полагаясь на мое «журналистское чутье», которого у меня пока что нет. Я не удерживаюсь и обнимаю Тома, целую его в щеку, отчего парень сильно смущается.

– Если хочешь, я могу составить тебе компанию, будет не так одиноко.

– Прекрасная идея.

Мы выходим на улицу, и я ловлю себя на мысли, что ищу черный Мустанг Адама. По неизвестным причинам мое сердце сжимается, когда я замечаю его пустое парковочное место. Неужели причина отсутствия действительно в неудач-

ном прыжке с моста? Большинство студентов только счастливы, что Демон исчез, но меня это немного пугает. Каким бы плохим человеком он ни был, не стоит радоваться его пропаже. Вдруг с ним случилось что-то по-настоящему страшное?

– Давай поедем на моей машине? – Том врывается в мои мысли и указывает пальцем на разбитое окно. – Вечером обещали дождь.

– Я все забываю отвезти ее в ремонт, – на самом деле мне просто не по карману оплатить новое стекло.

– Эми, – взволнованно спрашивает Том, наблюдая, как я сажусь в машину. – С тобой точно все в порядке?

– Все отлично. Заскочим ко мне, чтобы я оставила машину в гараже?

– Окей.

Я чувствую себя рассеянной и слабой. Волнение и тревога не покидают мыслей. Куда делся Адам? После случившегося о нем ничего не слышно, а ведь обычно по коридорам разгуливают байки о его безумных поступках. В первый учебный день я только и слышала истории о его «подвигах», а теперь люди шепчутся то об аварии, то о его смерти.

Мы подъезжаем к дому; я ставлю машину в гараж и бегу к Тому, так как на улице накрапывает дождь. Уже в салоне я невольно морщусь, разглядывая, как все больше капель разбивается о лобовое стекло.

– Не любишь дождь? – улыбается Том, выжимая педаль

газа.

– Терпеть не могу. Волосы липнут к лицу, одежда сыреет, обувь промокает. Как такое можно любить?

– Впервые вижу тебя такой злой.

Я кидаю на него свирепый взгляд.

– И не смотри на меня так, будто я в этом виноват.

– Раньше за плохие вести отрезали голову, – умничаю я, намекая на его метеопрогноз.

В глазах парня проскальзывает растерянность, а я, не в силах сдержаться, усмехаюсь. Его чуткость меня забавляет.

– Как думаешь, кто мог напасть на Джулию? – пытаюсь перевести тему и настроиться на предстоящее, первое в своей жизни, интервью.

– А ты как думаешь? Кинг уже почти неделю не появляется на парах.

Я замечаю, как Том стискивает зубы, и понимаю, насколько ему неприятен Адам. Лицо парня до сих пор в ссадинах.

Том паркует машину и принимается выискивать что-то на заднем сидении. Я чувствую себя немного неловко, когда он задевает меня плечом, перекатываясь с водительского сидения назад.

– Вот же он! – торжествует парень и возвращается за руль.

В руках у него небольшой красный зонт в белый горошек. Том немного смущается из-за несдержанного мною смешка.

– Что? Ты же ненавидишь дождь.

– Просто забавный зонт.

– Мама оставила его на днях. Сам не люблю зонты. Я не из сахара сделан, в отличие от Вас, Эмилия Грин.

Я пытаюсь всем видом показать злость, но Том больше не ведется на мои никудышные актерские способности.

– Очень смешно. – Я закатываю глаза, принимаю зонт и выхожу из машины.

Белое здание психиатрической больницы в двадцати метрах от нас, но я все равно успеваю промочить кеды.

В приемной регистратуре нас встречает медсестра с каменным лицом, но при виде Тома она фальшиво улыбается. От такого явного лицемерия мне становится тошно, и я позволяю другу самому уладить вопрос с посещением.

– Двести восьмая палата, Джулия Кларк, – признается девушка, поправляя непослушную прядь волос, и смотрит Тому точно в глаза. – Могу проводить.

– Не надо, – отмахивается парень и берет меня за руку. – Пойдем, я знаю, где это.

Мы выходим к широкой лестнице, и только когда начинаем подниматься, Том отпускает мою руку. Из коридора слышны крики, где-то сверху доносится истерическое пение, а когда мы оказываемся на втором этаже, к нам навстречу плетется пожилой мужчина, покачивающий головой и бубнящий себе что-то под нос.

По телу пробегает холодок. Никогда не была в подобном месте и не горю желанием появляться здесь вновь. Серые стены, белые халаты, пациенты в больничной одежде, звуки,

возгласы, косые безумные взгляды – все это заставляет меня пожалеть о том, что я взялась за очередное «дополнительное задание».

Том видит мой растерянный взгляд и ободряюще обнимает за плечи.

– Эй, все хорошо, – шепчет он и останавливается перед дверью палаты с золотой цифрой двести восемь, – мы уже пришли. Я буду ждать тебя внизу.

Тяжело вздыхаю и открываю дверь.

Около окна стоит девушка со светло-русыми волосами. На ней голубая больничная пижама. Я не решаюсь начать разговор, но Джулия сама поворачивается и одаривает меня совершенно вменяемым взглядом.

– Кто вы?

– Привет, я... – Тот факт, что девушка выглядит абсолютно здоровой, поднимает мне настроение. – Меня зовут Эмилия Грин, я учусь в том же университете, что и ты, мне сказали...

– Дай угадаю, – в глазах девушки появляется веселый огонек. – Хочешь написать обо мне статью? Мистер Блэк раздает отличные темы своим любимчикам.

Она протягивает мне руку и дружелюбно пропевает:

– Я – Джулия Кларк, учусь на втором курсе журналистики. Буду рада помочь тебе, Эми. Год назад мне дали похожее задание, после чего я поняла, что журналистика – мое призвание.

Понятно, почему она так спокойно относится к моему визиту. Судя по всему, Джулия только рада поведать свою историю. Я включаю диктофон и сажусь поудобнее. Джулия начинает рассказ, полный литературных оборотов и эмоциональных высказываний. На мгновение мне кажется, что девушка пересказывает детективный роман, и все же мне удастся выловить из ее явных прикрас главную суть: в понедельник она возвращалась пешком от одnogруппницы. Темнело, и на полпути к дому девушка поняла, что за ней идет человек в капюшоне. Его лица она не увидела, в страхе прибавила шаг и забрела в темный переулок, где решила спрятаться.

– Я только потом поняла, что как раз туда меня и стремились загнать, – восклицает Джулия, активно жестикулируя, – в тупик.

Когда девушка осознала, что оказалась в западне, кто-то ударил ее по голове, и она потеряла сознание.

– Я слышала голоса, они были как будто в трубе, голова гудела. Сначала у меня забрали сумочку, а потом меня начали раздевать.

Несмотря на то, что Джулия говорит спокойно, я замечаю в ее взгляде возрождающийся страх перед жуткими воспоминаниями.

– Их было трое... трое в капюшонах, один подставил мне нож к горлу и сказал: «Расплачиваться будешь ты». – Ее взгляд на секунду становится пустым, и она затихает, затем вздрагивает и трясет головой, отгоняя дурные мысли. – По-

том я отключилась. Очнувшись в больнице, меня обследовали, сделали все анализы и направили сюда для психологической реабилитации.

Я выключаю микрофон, и в этот момент в палату заходит невысокий врач с планшетом для записей. Темные волосы, голубые глаза и приятные черты лица напоминают мне моего нового друга. Мужчина очень похож на Тома. Только седина и морщинки около губ отличают его от спасенного мной парня. Я понимаю, что передо мной отец Тома, а фамилия «Флинн» на бейджике лишь подтверждает мои догадки.

– Вам безумно повезло, дорогая Джулия. – Глаза старшего Флинна излучают безграничную доброту. Он подмигивает девушке и поворачивается ко мне. – К сожалению, приемные часы окончены, вы сможете пообщаться с мисс Кларк позже. Я как раз готовлю ее к выписке.

– Я уже ухожу.

Благодарю Джулию за рассказ, прощаюсь с доктором Флинном и выхожу из палаты. Меня мгновенно окутывает гнетущая атмосфера коридоров больницы, и я быстрее спускаюсь в приемную, чувствуя на себе косые взгляды. Не понимаю, как такой светлый человек, как мистер Флинн, может здесь работать. Правда, несмотря на специфику своей работы, выглядит он очень бодро и жизнерадостно.

Том сидит на кушетке и играет в телефоне. Его взгляд сосредоточен на экране, и он аккуратно наклоняет смартфон то влево, то вправо.

– Гонки?

– Ага. – Парень отключает игру и кладет сотовый в карман.

– Я, кстати, встретила твоего отца, вы очень похожи.

Взгляд Тома меняется.

Что-то не так.

– Пойдем. – Он снова берет меня за руку и тащит на улицу. Подобная смена настроения настораживает. Впервые вижу парня таким раздраженным.

– Что случилось?

– В последнее время мы много ссоримся, – признается парень, когда мы садимся в машину. – Не хочу лишний раз его видеть, а он всячески пытается наладить со мной отношения. Родители разводятся.

– Сочувствую.

Мне больше не нужно слов, чтобы понять, почему Том расстроен. Лишь теперь я осознаю, каких трудов ему стоило помочь мне, и я молча его обнимаю. Сейчас не до пустых разговоров. Нужна искренняя поддержка.

– Спасибо за помощь, Том.

Глава 6

Я в твоих мыслях

Мы сидим в машине в полной тишине, слушая, как барабанит дождь по крыше. Я крепко сжимаю Тома в объятьях и чувствую чей-то пристальный взгляд. Через разводы от дождя на лобовом стекле вижу застывший силуэт в окне палаты больницы, но мне не удастся разобрать, кто это – мужчина или женщина. Том замечает, что я пытаюсь разглядеть кого-то, и оборачивается. Коротким рывком пациент забирается на подоконник и открывает окно.

– О господи! – в унисон вскрикиваем мы с Томом и выпрыгиваем из машины.

Я собираюсь рвануть обратно в больницу и предупредить о попытке суицида, но силуэт исчезает. Затем к окну подходит санитар, закрывает его и плотно завешивает шторы.

– Это окно двести восьмой палаты, – шепчет Том.

Дождь перерастает в сильный ливень, и капли неприятно бьют по лицу. Я смотрю на Тома: в его глазах такой же шок, как и у меня. Он опускает голову, и с его темных волос стекают капли дождя, падая на губы. Мы стоим в оцепенении и некоторое время молчим.

Судьба порой играет с нами злую шутку. Я уехала из шумного Лос-Анджелеса в надежде на спокойную жизнь, но оказалась главным героем романа сумасшедшего писателя. Все

эти странные письма матери, насилие, угрозы Демона города, ограбление, психбольница, попытка самоубийства, – не этого я ждала от переезда. За первый месяц в новом городе произошло больше событий, чем за всю мою жизнь. Лафайет будто хочет избавиться от меня, свести с ума. Больше всего расстраивает то, что единственный родной человек, моя мама, оказывается, жила совершенно другой жизнью и хранила сотню секретов от своей дочери. Она ушла и не оставила мне ни единой зацепки. Я одна в этом чертовом городе, в городе, где насилуют и избивают, запугивают и издеваются. Теперь понятно, почему она увезла меня отсюда.

В памяти всплывает ядовитый взгляд Адама, и я вздрагиваю.

– Поехали, – прошу я и возвращаюсь в машину.

Том послушно заводит автомобиль, и мы выезжаем на главную дорогу. Я хочу поскорее попасть домой, снять с себя мокрую одежду и забыть о сегодняшнем дне как о страшном сне. Вот почему мистер Блэк дал мне это задание. Журналистика – не мой конек. Нужно поскорее закончить статью и пересмотреть свои планы о выборе профессии.

– Что рассказала Джулия? – спрашивает Том, и я бросаю на него косой взгляд, давая понять, что не хочу разговаривать на эту тему. Парень прикусывает язык и кивает, становясь мрачнее тучи.

Смотрю на его точеный профиль, свежие ссадины на лице и синяк под глазом, и в моей душе возникает необъяснимая

тоска.

– Том, – шепчу я, и парень тут же оборачивается. – Спасибо тебе.

Слова – ключ к каждому человеку, к каждой душе. Наполненные жестокими мыслями, они могут превратиться в оружие, способное глубоко ранить или даже убить. Слова могут стать единственным лучом света в беспроглядной тьме, не говоря уже о том, что они могут заставить улыбаться моего единственного друга в этом чужом и недружелюбном мне городе.

Взгляд Тома становится теплее, и я ловлю себя на мысли, что смотрю на его губы, представляю, какие они на ощупь. Мне хочется коснуться их, но я застываю на мгновение и в нерешительности отворачиваюсь к окну. Вскоре мы оказываемся у моего дома. Том смотрит на меня. Кажется, я забываю, как дышать, когда его рука тянется к моей щеке. Его глаза вспыхивают неподдельной нежностью.

«Сейчас он меня поцелует».

Считанные сантиметры отделяют меня от его губ, их вкуса и нежности. Считанные секунды до начала чего-то светлого. Я закрываю глаза и уже чувствую тепло его дыхания.

«Ты одна из тех девушек, которые боятся собственной тени», – вдруг звучит голос Адама в моей голове.

Перед глазами всплывает картина: я нахожусь у обрыва, холодные злые глаза, и это чувство, несравнимое ни с чем...

«Давай».

Я ощущаю прикосновение губ Тома, но что-то внутри заставляет меня отстраниться. Не знаю, как вести себя в подобных ситуациях, и уж тем более понятия не имею, что говорить Тому. Я прекрасно понимаю, что Флинн – отличный парень. Он мне нравится: он спокойный, добрый и отзывчивый... Но мое сердце протестует, не соглашаясь с разумом.

– Если хочешь, возьми зонт, чтобы добежать до крыльца. – Я вижу, что Том собирается с мыслями и уже через секунду как ни в чем не бывало поворачивается ко мне.

– Я и так уже вся мокрая, – пытаюсь скрыть дрожь в голосе, чувствуя невероятную тяжесть на сердце. – Так что сопротивляться бесполезно.

Улыбка Тома дает надежду на то, что настроение я ему испортила не окончательно.

– Спасибо тебе еще раз.

– Не за что.

Несусь к дому так быстро, будто от кого-то убегаю. Несмотря на то, что чувство вины и разочарование сильно бьют по мне, в душе становится спокойно. Как будто я поступила правильно. Противоречия между доводами разума и сердца заставляют крепко задуматься. Может, я просто не готова к отношениям? Или испугалась, что все так стремительно развивается?

Ненавижу себя!

Я ведь хотела этого. Почему в самый ответственный момент я дала заднюю? Чертов Адам. Почему мне вспомнился

тот случай на мосту?

Поспешно открываю дверь, и мне хватает секунды, чтобы прочувствовать странную атмосферу в доме. По полу разбросаны вещи, ящики перевернуты, а наверху слышны чьи-то шаги...

Глава 7

Гость

Первое правило безопасности при признаках взлома – бежать. Нужно уйти как можно дальше, чтобы грабитель не заметил вас, ведь если вы увидите его лицо, вы обречете себя на гибель. Взломщики, которые пришли за вещами, а не за вашей жизнью, обычно не убивают людей. Поэтому, если их лицо остается в неизвестности, вы остаетесь в безопасности.

Я хватаю с кухонного стола большой нож и, игнорируя инстинкт самосохранения и советы, что давали на уроках безопасности жизнедеятельности, поднимаюсь по лестнице. Шум доносится из маминой комнаты. Мне приходится идти максимально тихо, на цыпочках, чтобы раньше времени не навлечь на себя беду.

Я все еще могу убежать, но в душе теплится робкая надежда, что вернулась мама. Глупая надежда. Я толкаю дверь и врываюсь в комнату, выставив перед собой нож. Сердце трепещет от страха, руки дрожат, а вместе с ними и холодное оружие. За спиной проносится неясный шорох, и внезапно кто-то одним рывком заключает меня в медвежьи объятия. Нож выпадает из пальцев. Я вскрикиваю, пытаюсь вырваться, но чья-то ладонь резко закрывает мне рот, и паника наваливается на меня с новой силой.

– Если берешься за оружие, будь готова его использовать,

Грин, – рычит на ухо знакомый голос, и на смену ужасу приходит оцепенение.

Железные тиски становятся слабее, и сильные руки отпускают меня, толкая вперед. Я оборачиваюсь и вижу Демона с неизменной, таинственной улыбкой и наглым взглядом. Адам расправляет плечи и осматривает меня, отчего становится некомфортно. Не могу поверить, что это действительно он, но ощущение сладковатого запаха перцового одеколона отрезвляет меня и прогоняет страх.

– Какого черта, Адам!

В глазах Демона пылают искры; он наслаждается моим замешательством и, кажется, еще чуть-чуть, ядовито рассмеется.

– Это ни хрена не смешно! – взрываюсь я и выбегаю из комнаты.

На первом этаже осталась моя сумка. Интересно, будет ли он смеяться, когда я вызову полицию и его упекут за решетку? Я торопливо спускаюсь по лестнице, как вдруг слышу позади себя шаги.

– Успокойся, Грин, – вдогонку мне бросает Адам. – Дверь была открыта, будто что-то случилось, и я зашел проверить.

Более гнусного вранья я в жизни не слышала. Сам Адам Кинг беспокоится о моем благополучии!

Хватаю со стола сумку и ищу мобильный.

– Посмотрим, как ты запоешь, когда приедут копы.

Уже набираю первые две цифры, но Адам ловко выхватывает

вает сотовый у меня из пальцев.

– Угомонись, – цедит парень, и улыбка пропадает с его лица, а в глазах появляется раздражение, – я серьезно.

– Раз у тебя богатый папаша, тебе все можно?

– Раскинь мозгами, Эмили. На кой черт мне тебя грабить, если у меня богатый отчим?

– Думаешь, я настолько глупа, чтобы поверить тебе? Человеку, который чуть не скинул меня с моста?

– Нет, Эмили. – Адам подходит ко мне, вызывая в моей душе странное чувство. – На самом деле сейчас я думаю о том, как буду трахать тебя на этом кухонном столе.

Щеки заливает румянцем, а в мыслях вспыхивают непристойные образы. И самое страшное, я ощущаю прилив возбуждения, представляя Адама в главной роли. Это вполне логично: несмотря на скверный характер, выглядит Кинг довольно притягательно, и каждая татуировка на его теле и лице не портит его, а, наоборот, придает его образу еще сексуальность.

Господи, о чем я вообще думаю?

Адаму нравится наблюдать за моим смущением. Он вновь едва сдерживается, чтобы не засмеяться, и мне становится неприятно оттого, как низко он шутит.

– К тому же, – улыбается парень, – я все-таки не дал тебе упасть.

Так и есть.

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что он говорит правду.

Вряд ли такой человек, как Адам, стал бы доказывать свою невиновность, если бы решился на ограбление. Он бы расправился со мной, а не разводил дискуссии.

– Я все равно должна вызвать полицию, – чуть тише говорю я.

Адам качает головой.

– Не похоже на ограбление. Проверь, пропало ли что-то, и тогда уже делай выводы.

Я осматриваю бардак и перевернутые вещи. Деньги я не держу в сейфе, а храню на карточке, телевизор стоит на своем месте, как и антиквариат – на камине. Все ценные вещи находятся на виду, мы никогда ничего не прятали.

Мы все... кроме моей мамы.

Ошеломленно округляю глаза и бегу на второй этаж, спотыкаясь на ступеньках. В спальне мамы царит хаос: одежда раскидана, ящики валяются на полу. Зарываюсь в гору маек и блузок, молясь, чтобы моя догадка оказалась ошибочной.

– Ты чего? – интересуется Адам.

– Ее нет.

Жестяная баночка с письмами пропала.

– Кого?

Демон разваливается на кровати, а я оборачиваюсь и понимаю, что впервые вижу его без куртки. На нем только футболка и джинсы. Накаченные руки Кинга забиты татуировками от самых пальцев, но меня это не отталкивает. Он выглядит достаточно гармонично, пусть на коже почти не оста-

лось свободного места. Я тихо признаюсь:

– Я тебе верю.

– Аллилуйя! – восклицает Адам и поднимается с постели. – Найдется содовая?

Кому могут пригодиться старые письма моей матери? Только ей самой, тому, кому она их писала, или мужчине, за которого она собиралась выйти замуж. Слишком много вопросов, и все же я надеюсь, что именно мама была здесь. Она всегда слыла рассеянной и неаккуратной. Бывало, перед работой она переворачивала верх дном всю нашу квартиру в Лос-Анджелесе, чтобы найти нужные вещи. Надежда овладевает моим разумом, и я ловлю себя на мысли, что хочу поблагодарить Адама за его совет.

Неужели мама в Лафайете?

Адам спускается по лестнице, и я слышу, как он открывает холодильник.

– Эй, ты что, чертов веган? – кричит парень с первого этажа.

Кажется, в наших отношениях наступил прогресс. За все это время Кинг ни разу не пытался меня придушить. Правда, его хорошее настроение настораживает. Я спускаюсь и смотрю на незваного гостя, копошащегося в холодильнике.

– Какая тебе разница, кто я?

– Мясо – это божественно.

Адам достает бутылку и делает большой глоток из горла. Его наглость просто поражает. Возникает огромное желание

выставить его за дверь.

– Мне нужно прибраться, – сообщаю я, на что Адам невинно вскидывает бровь. – Тебе пора.

Парень оборачивается, и впервые за время нашего знакомства я вижу на его лице искреннюю улыбку. Кажется, у него действительно хорошее настроение. Он делает еще пару глотков, ставит бутылку воды на стол и направляется к двери.

– Адам?

– М-м?

– Что ты знаешь о моей матери?

Кинг смотрит на меня все с той же странной улыбкой, будто узнает во мне друга детства.

– Еще увидимся, Эмили.

Глава 8

Решение

Еще никогда я не засыпала с таким беспокойством и чувством незащищенности. Я боялась закрыть глаза. Казалось, по дому ходят, переворачивают мои вещи, копаются в моем белье. Мне хотелось верить, что приходила мама, но вдруг я ошибалась? Что, если кто-то еще пытается разыскать ее, узнать все ее тайны, которые она так тщательно хранила от посторонних глаз?

Всю ночь за окном льет дождь и грохочет небо, да с такой силой, что при каждой вспышке я вздрагиваю, кутаясь в одеяло. Капли барабанят по старой крыше, а ветер сдувает листья с деревьев – атмосфера царит зловещая. Воображение рисует картины из фильмов ужасов, как из темноты выползает ужасный монстр или маньяк с ножом.

До самого утра мысли об Адаме не покидают меня. Я понимаю, что в его в присутствии становлюсь другой. Внутри просыпается неизведанное чувство азарта, и это пугает. Как будто моя темная сторона безумно хочет подружиться с его черной натурой. Это не похоже на то тепло и радость, которые я испытываю, когда вижу Тома, не похоже оно и на тот леденящий ужас, который вселял в меня Адам в первый день нашего знакомства. Это не похоже вообще ни на что.

Меня будит мобильный телефон. Слышу, как он вибри-

рует на прикроватном столике, но открыть глаза выше моих сил. Как только я проваливаюсь в сон, он звонит еще раз, и мне приходится ответить.

– Доброе утро, Эми. – Радостный голос Тома тяготит и даже немного раздражает, но потом я просыпаюсь, и на лице появляется улыбка.

– Привет, Том.

– Надеюсь, ты не забыла про наш ужин?

Мыслительный процесс вгоняет меня в секундный ступор.

Ужин! Вот черт!

– Нет, конечно, нет, – вру я и сажусь в кровати.

– Мама все уши прожужжала, очень хочет познакомиться с тобой. Приглашает к нам домой.

Знакомство с родителями Тома не очень-то меня прельщает, я не люблю подобные вечера. Но вспоминая о том, что вчера произошло в машине и как это задело Тома, решаю согласиться. В конце концов, это поможет мне выкинуть из головы Адама.

– Я заеду за тобой в восемь. – По голосу парня слышно, что он счастлив, но меня не покидает навязчивая мысль, что как-то странно знакомить меня с мамой на первом же свидании.

Больше всего на свете я не хочу расстраивать Тома, поэтому не особо переживаю за то, что он торопится открыть чувства. Он единственный друг и замечательный парень. Рядом

с ним будет хорошо. Спокойные размеренные отношения – мечта всей моей жизни.

Я встаю с кровати и смотрю в окно. Ясное, утреннее солнце приятно припекает лицо. Я открываю окно и вдыхаю свежий воздух.

Отличная погода для утренней пробежки.

Запрыгиваю в спортивный костюм, завязываю волосы в хвост и выхожу на улицу.

Кругом тишина.

Вот за что я люблю этот район – здесь всегда спокойно. Все соседи – прилежные и счастливые семьянины, любящие, как и я, тишину и покой. Но по праздникам здесь настоящее веселье: на Хэллоуин только на моей улице скапливается толпа детишек в разных костюмах, родители придумывают интерактивные игры, приглашают друг друга в гости, а дни рождения отмечают целыми кварталами. В детстве я очень любила приезжать на праздники к бабушке. Мне нравилось окунаться в эту теплую атмосферу. Мама же не была в восторге и чаще сидела дома за какой-нибудь книгой по психологии или детективным романом.

Я добегаю до парка и, как обычно, перехожу на шаг, выравнивая дыхание. Разминку провожу на уже полюбившейся лужайке, хорошенько разогревая каждую мышцу, и немного растягиваюсь. Вокруг ни души, только я и это прекрасное утро, свободная от дурных мыслей голова и тихое пение птиц. Только положительные эмоции смогут вернуть на

правильный путь. Мама гордилась бы мной. Несмотря на все невзгоды, я все еще ищу только положительные стороны в жизни. Хотя этой ночью тьма забиралась в мою душу, отравляя безысходностью и агонией сознание, утро расставило все на свои места. Я хочу попытаться счастье с Томом, окончить университет и спокойно обустроиться в этом городке. Через пару лет я буду вспоминать о моих первых днях в Лафайете и смеяться, возможно, даже держа за руку любимого человека. Главное – продержаться эти «пару лет».

После зарядки меня одолевает голод. Тянущее ощущение в желудке заставляет мозг рисовать картины прекрасного завтрака, но внезапно я вспоминаю, что в моем холодильнике так же пусто, как и в животе.

Мне ничего не остается, как направиться в магазин за продуктами. Слава богу, он в минуте ходьбы от парка.

Солнце здорово припекает. Я снимаю спортивную кофту и завязываю ее на поясе, оставаясь в майке. При ярком свете моя кожа выглядит еще бледнее, чем обычно. Из-за постоянной пасмурной погоды и дождей я почти не загораю и выгляжу, как бледная поганка. Было бы неплохо посмотреть прогноз и сходить на пляж у реки, получить хоть немного витамина D.

В супермаркете меня встречают огромные стеллажи с продуктами. Из-за сильного голода я готова скупить все, что вижу, наплевав на ограниченный бюджет. Беру тележку и набираю овощей, фруктов, вафель, джема, всего, что попада-

ется на глаза и что хочется купить и съесть прямо посреди магазина. Между стеллажами в отделе морепродуктов я замечаю знакомое лицо и сразу прячусь, как школьница, прогуливающая уроки.

Джулия стоит с корзиной для продуктов и внимательно читает состав молока.

«Ты же хотела спокойной жизни, Эми, давай, заводи друзей», – подталкивает внутренний голос, и я решаюсь подойти к девушке.

– Джулия, привет.

Девушка оборачивается и награждает меня обворожительной улыбкой. Выглядит она намного лучше: волосы волнами спадают на плечи, небесно-голубые глаза светятся счастьем, а на щеках появился здоровый румянец. Джулия кажется совершенно здоровой, несмотря на то, что вчера она хотела выпрыгнуть из окна.

– Эмили. – Ее неподдельный восторженный голосок заставляет меня улыбнуться. – Рада тебя видеть, как статья?

А ведь я надеялась забыть об этом.

– Отлично. А ты как?

– Полный порядок. – Она убирает непослушный локон с лица. – Представляешь, вчера какая-то сумасшедшая прибежала ко мне в палату и начала нести несусветную чушь, а потом полезла в окно.

С моей души свалилась девятитонная глыба. Я так переживала, что спрыгнуть пыталась именно Джулия. Не могла

поверить, что этот жизнерадостный человек допускал мысль о самоубийстве.

– Слава богу, санитары поспели вовремя. Я решила поскорее вырваться на свободу, и уже сегодня меня выписали. Вот, продукты закупаю. Еда в больнице – полный отстой!

Я слушаю Джулию и понимаю, что соскучилась по девчачьим разговорам. У меня никогда толком не было настоящей подруги; я ни с кем не говорила по душам. Ее искренность сражает меня, очаровывает, и я рада, что погружаюсь в обычную жизнь, где можно просто поболтать со знакомой в супермаркете.

– Эмили, ты просто обязана завтра пойти на вечеринку. Братство «Волков» устраивает посвящение в студенты. – Ее глаза горят, как два забавных огонька! Она улыбается, и на щеках у нее выступают ямочки. Мне приятно общество Джулии. Хорошо, что я начала разговор, а не струсилa, закопавшись в собственные мысли. Пора выбираться из кокона и начинать новую жизнь. Этого бы хотела мама.

– Даже не знаю... – Ее предложение застает меня врасплох. Я не любитель шумных вечеринок и не представляю, как отказаться, поэтому выпаливаю первое, что приходит в голову: – У меня статья еще не дописана.

– Да брось, будет весело.

«Весело» – ключевое слово, которое меня подкупает. Я соглашаюсь и удивляюсь своей храбрости. Да, мне надо веселиться. Честно, не помню, когда в последний раз выходила в

свет. Джулия чуть ли не визжит от восторга. И я еле удерживаюсь, чтобы не засмеяться вместе с ней. Давно не отдыхала на вечеринках, даже мой выпускной прошел в одиночестве: я ждала звонка из полиции. Пора мне начать студенческую жизнь и забыть обо всем плохом. Благодаря этой девушке, я верю, что у меня получится стать чуточку счастливее.

– Завтра к девяти.

– О'кей.

Мы прощаемся как лучшие подруги, целуя друг друга в щеки.

Подхожу к кассе и слышу, как урчит желудок. Легкое головокружение сигнализирует о снижении сахара в крови, так что дома, не церемонясь с готовкой, первым же делом я съедаю готовые сэндвичи, запивая их вредной колой.

Глава 9

Точка

Весь день я провожу за домашним заданием, прослушиваю запись с рассказом Джулии и составляю статью. Когда в тексте появляется последняя точка, я с облегчением выдыхаю и чувствую себя свободной от постоянных мыслей о психиатрической больнице, от безумных взглядов и надрывного пения. Порой кажется, что я до сих пор слышу возгласы душевнобольных.

Все. Больше никаких дополнительных заданий, никаких больниц, ограблений и криминала. Может, мистер Блэк прав, и мне стоит задуматься о писательстве? Никогда не писала даже рассказы, не говоря уже о книгах, но попробовать как-нибудь стоит.

Я смотрю на часы: семь вечера. У меня остается всего ничего, чтобы подготовиться к знакомству с мамой Тома.

Отличное первое свидание!

Неприятное чувство не дает мне покоя: не люблю я подобные встречи. Даже в школе, когда одноклассницы звали меня домой, я отказывалась. С тех пор, как пропала мама, тема родителей стала болезненной. Когда я вижу проявление материнской любви, я вспоминаю о маме, и мне становится больно. Я сильно нервничаю, сердце стучит быстрее, и с каждой минутой час «икс» все ближе и ближе. Привожу се-

бя в порядок, накручиваю волосы и крашу ресницы. Достāju шифоновое платье темно-вишневого цвета и завершаю образ лодочками на небольшом каблукче.

Заканчиваю приготовления и остаюсь довольна собой – из зеркала на меня смотрит красивая, стройная девушка с немного перепуганным взглядом.

– Спокойно, Эмили, – говорю я. – Все будет хорошо.

Девушка в зеркале недоверчиво хмурится, и я вздыхаю, жалея, что не отказалась от ужина. Придется отвечать на стандартные, но такие колючие вопросы: почему я живу одна, кто моя мама, кто мой отец, почему я переехала из Лос-Анджелеса.

Ровно в восемь часов я слышу звонок в дверь. На пороге появляется Флинн. Он отлично выглядит: на нем черные брюки, идеально выглаженная белая рубашка, а темные волосы аккуратно уложены назад. Как же мне не по себе! Я натянуто улыбаюсь и выхожу к нему навстречу.

– Боже, Эми, ты прекрасно выглядишь, – шепчет мне на ухо парень, и по моей спине пробегают мурашки.

Том ведет себя как истинный джентльмен: открывает дверь машины и помогает мне сесть. Затем садится сам и проверяет, пристегнула ли я ремень безопасности. Излишнее внимание с его стороны смущает, горло пересыхает. Я стараюсь не подавать вида, хотя с каждой минутой желание выпрыгнуть из машины усиливается. Том периодически поглядывает на меня с загадочной улыбкой, и его рука накры-

вает мою. Вижу, как он счастлив, как он смотрит на меня, и понимаю, что *абсолютно ничего не чувствую*. Все мои эмоции куда-то испарились, моя решительность улетучилась. Я не могу понять, что происходит. Том – мой единственный друг, и только сейчас до меня доходит, что мне не хочется портить с ним отношения.

– Все хорошо?

Нет, я хочу домой.

– Все отлично.

Мы оказываемся перед огромным, красивым домом бежевого цвета. Том нажимает на кнопку, ворота открываются, и мы въезжаем в просторный гараж, где стоят еще две дорогих иномарки. Просто сказка: красивый принц, живущий в шикарном особняке, красивые ухаживания и многочисленные знаки внимания; знакомство семьей. Любая девушка позавидовала бы мне. Вот только я сижу в кресле и ищу причины, чтобы удрать. Сердце предательски сжимается, а внутренний голос подсказывает, что я совершаю ошибку. Если следовать логике, мы с Томом созданы друг для друга, только непослушный орган за ребрами говорит обратное.

Мы выходим из гаража и направляемся к крыльцу. Том звонит в дверь, и через мгновение ее открывает ухоженная женщина и впускает нас внутрь, приветливо улыбаясь. С первых секунд я понимаю, что своими сапфировыми глазами мой друг обязан маме.

– Здравствуй, Эмили. Как же я рада с тобой познакомиться-

ся! Меня зовут Элизабет. Том много о тебе рассказывал. – Ее бархатный голос успокаивает меня.

– Мам, – смущается парень, но женщина не обращает внимания.

Лишь целует его в щеку.

– Здравствуйте, миссис Флинн.

– Прошу, просто Элизабет. Проходите, ужин уже стынет.

Их дом прекрасен: интерьер выдержан в светлых тонах, на стенах висят картины, на полках – цветы и дорогие вазы. Здесь все идеально: каждая вещь будто знает свое место. Ни пылинки, ни соринки, – как в музее. Несмотря на красоту и изящество коридоров, мне становится некомфортно. Я не привыкла к подобной роскоши, и мне страшно даже ходить по этому полу из белого мрамора. Мы приближаемся к большому столу, заставленному различными деликатесами. Том присаживается рядом и одаривает меня очаровательной улыбкой.

Элизабет занимает место, и вечер начинается.

Как я ни пытаюсь отвлечь комплиментами и вопросами хозяйку, мне не удастся уйти от болезненных тем, приходится рассказывать о своей жизни.

Чтобы не было лишних вопросов, я говорю, что моя мама осталась в Лос-Анджелесе.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала, – подмечает Том.

– Ты и не спрашивал.

К концу вечера мое напряжение спадает. Мы смеемся и вспоминаем веселые истории. Элизабет рассказывает о том, каким хулиганом в школе был ее сын, и парень заливается румянцем, что меня искренне поражает.

Никогда не поверю, что Том когда-то слыл сорванцом.

– Они с Адамом вечно устраивали какие-то шалости: то туалет взорвут, то сбегут с уроков, – смеется женщина, а я округляю глаза. – Нас с отцом по несколько раз на неделе вызывали к директору.

Поворачиваюсь к парню, но тот внезапно встает из-за стола.

– Кажется, нам пора, – сухо отрезает он.

Мама улавливает его недовольство и виновато прикусывает губу.

Вечер завершается настоящим шоком. Пытаюсь поймать взгляд Тома, но тот упрямо отворачивается. По его резким движениям ясно, что он хочет поскорее уйти. Парень берет меня за руку и ведет к двери. Его поведение обескураживает. Я замечаю его расстроенную маму.

– Приятно было познакомиться, – улыбаюсь я, пытаюсь хотя бы как-то подбодрить хозяйку дома.

– Заходи к нам почаще, Эми, не стесняйся. – Она обнимает меня.

Мы прощаемся и выходим из дома.

Том не говорит ни слова, а я не собираюсь задавать вопросов. Захочет, сам все объяснит. Но молчание длится слиш-

ком долго, пугающе долго.

– Ты в порядке?

– Да, мы дружили с Адамом, – резко чеканит Том, и я улавливаю в его голосе нотку тревоги. – Не так давно мы перестали общаться.

Парень нервно проводит ладонью по волосам. Он слишком взволнован, словно есть что-то такое, о чем он боится рассказывать.

– Я перестал с ним общаться, когда узнал, что он убил Джимми.

– Но с чего ты решил, что именно он убил Джимми? Полиция выявила несчастный случай.

– Я просто знаю, Эми.

Мы останавливаемся возле моего дома, и я еле сдерживаюсь, чтобы не выскочить из машины. Напор Тома мне неприятен. Особенно раздражает его уверенность в своей правоте. Как он может так категорично заявлять, что Адам – убийца? Сплетни бывают разные: за эти несколько недель я слышала столько небылиц про Демона, что, по мнению злых языков, он уже давным-давно должен был быть мертв. Я прикладываю невероятные усилия, чтобы сидеть на месте. Чувствую себя неуютно и переживаю за Элизабет, ведь ее печальный взгляд до сих пор стоит перед глазами.

– Послушай, – говорит парень и поворачивается ко мне. – Знаю, ты удивлена, но я не такой, как Адам. Я перестал с ним общаться, когда понял, что он паршиво на меня влияет.

В его интонации проскальзывает странное волнение, и мне начинает казаться, что он о чем-то умалчивает, о чем-то важном, но я не придаю этому значения. Нужно успокоиться и попытаться понять Флинна. В конце концов, он – бывший друг Адама и, наверняка, знает о нем побольше меня.

– Я тебя понимаю.

– Прости, что так получилось, – с грустной улыбкой шепчет парень.

– Ничего страшного.

Я снова смотрю на его губы. Это мой второй и, возможно, последний шанс сделать правильный выбор. Приходится прислушаться к чувствам.

Пустота.

Там, в сердце, теплятся светлые чувства к этому человеку, но они всего лишь дружеские. Том – отличный юноша. Жаль, что я не могу заставить себя испытывать нечто большее.

– Мы же друзья, Том, – ставлю я жирную точку в наших отношениях. – А друзья никогда не обижаются.

Взгляд парня меняется. Ему неприятно слышать данные слова, но мне не хочется его обманывать.

– Спасибо за ужин, – искренне благодарю я. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Эми, – подавлено отвечает Том.

Глава 10

Вечеринка

Музыка, смех, неразборчивый шум нарастают по мере того, как я приближаюсь к общежитию «Волков».

Вечеринка – наверное, единственный способ расслабиться и перестать думать о том, как я поступила с Томом. Парень не звонит и не пишет весь день, так что я тоже решаю не докучать ему сообщениями.

Стучу в дверь, но никто не открывает. Крики заглушают дверной звонок, так что приходится зайти без приглашения, и в одно мгновение из тихого мирка я попадаю в логово настоящей, бурной студенческой тусовки. Запах алкоголя и пота ударяют в нос, заставляя меня немного поморщиться, но через некоторое время я привыкаю к особой «атмосфере» и прохожу вглубь толпы.

– Эми! – слышу окрик Джулии.

Девушка примостилась около стола, где парни играют в литрбол, и весело помахивает мне стаканчиком явно не с апельсиновым соком. Приходится протиснуться между целующимися парочками и пьяными парнями, отпускающими в мою сторону пошлые комплименты, чтобы добраться до новой знакомой.

Наконец она крепко обнимает меня, и я улавливаю запах спиртного.

– Молодец, что пришла, – пропевает Джулия. – Пойдем, поищем, что тебе выпить.

Я собираюсь отказаться, но не хочу показаться занудой. Я никогда не выступала против алкоголя, на праздниках пила вино или шампанское. Мама не запрещала мне тусоваться, но особого рвения к подобным вечеринкам я не испытывала. Джулия берет меня за руку и ведет на кухню, где наливает виски с колкой.

– Сначала до дна, – говорит она, пошатываясь на каблуках.

– Нет, я не...

Девушка перебивает меня, поднося к губам стакан, и держит его, пока я не выпиваю весь коктейль. Алкоголь мгновенно ударяет в голову, оставляя жгучее ощущение в горле и неприятный привкус во рту, но мне это нравится. Настроение тут же улучшается, и наступает долгожданное расслабление.

– Давай еще, – улыбаюсь я, чувствуя легкость во всем теле, даже в душе, и Джулия восторженно прихлопывает в ладоши.

После второго стакана пьяная толпа превращается в доброжелательных ребят. Мы с Джулией танцуем и знакомимся с новенькими гостями.

Я полностью отдаюсь музыке, погружаюсь в ритм веселья и забываю обо всех проблемах. В мыслях больше нет места печали и грусти, нет места постоянным терзаниям и вопро-

сам о принятых решениях. Я живу здесь и сейчас и задорно визжу вместе с Джулией, когда слышу классную песню.

Иногда нужно просто оттянуться, отпустив все невзгоды, стать частью общества, откинув комплексы и страхи.

Из всех взглядов, следящих за тем, как, опьяневшая, я покачиваюсь в такт музыке, я замечаю только один. Тот, который в мгновение вызывает во мне эйфорию вперемешку с возбуждением, разгоняющим по телу дрожь.

Мне больше не страшно. Я обращаю свой взгляд на него, открыто и без стеснения улыбаюсь, продолжая танцевать. Адам сидит на диване и, не отрываясь, смотрит на меня мрачным взглядом, будоражающим мое нутро. Я ловлю себя на мысли, что мне хочется, чтобы он подошел ко мне, коснулся меня, стал немного ближе, но парень только дразнит злобной ухмылкой и осушает бутылку пива.

– Привет девчонки, давайте знакомиться? – слышу рядом с собой чей-то голос, пытающийся перекрычать громкую музыку.

Рядом с нами стоит худощавый, изрядно выпивший парень со шлемом, к которому по бокам прикреплены две банки пива. Он периодически потягивает из трубочки «топливо» и нелепо двигается в такт песне. Мы с Джулией начинаем звонко смеяться: юноша выглядит жутко комично, но держит себя молодцом, покачиваясь из стороны в сторону с невозмутимым видом альфа-самца.

– Патрик, что с тобой? – улыбается моя знакомая. – Ты

так пьян, что забыл, что мы с тобой на одном факультете?

Между ними завязывается диалог. Если можно назвать их бессвязные фразы диалогом. Патрику сложно говорить четко и по делу. Потеряв интерес к оживленной беседе, я осушаю очередной стакан и решаю налить себе еще, незаметно высматривая в толпе тот самый магнетический взгляд.

На кухне стоят две девушки в коротких платьях, разрисованные, как куклы. Они эмоционально щебечут, не обращая на меня внимания. В голове возникают довольно смешные образы, связанные с этими девицами, но я не подаю виду. Даже в нетрезвом состоянии я держу себя в руках.

– У меня есть шанс добраться до Адама Кинга, – загадочно шепчет блондинка, и ее лицо озаряет улыбка.

– Ты в своем уме? Он же сущий демон!

Не сдерживаюсь от смеха, и девушки поворачиваются в мою сторону, соорудив такие раздраженные гримасы, точно я умственно отсталая.

– Упс! – восклицаю я и специально выплескиваю из стакана немного виски. – Разлила. Какая жалость.

«Куклы» натягивают стервозные улыбки и продолжают разговор, наверняка подумав, что я просто перебрала. Полезно иногда притвориться дурочкой.

– Надеюсь, в постели он тоже демон, – хихикает блондинка.

Мне внезапно становится тошно. Живот неприятно сводит, когда перед глазами возникает картинка, как Адам це-

лует эту пустышку. Кинг – своеобразный человек, вряд ли его интересуют разукрашенные стервы.

Меня передергивает от собственных мыслей, и я спешу к компании, играющей в дартс.

– Умеешь? – Один из парней замечает, что я внимательно наблюдаю за их игрой.

– Немного.

Ребята удивленно оборачиваются и уговаривают меня сыграть.

– Алкодартс! Алкодартс! – хором подбадривают парни и вручают мне дротики.

– Все просто: дается двадцать попыток, чтобы попасть в середину как можно больше раз.

Попасть в такую доску легче легкого – она без железных окантовок и больше обычной. Быть новичком иногда полезно, ведь никто в этом зале не знает, что раньше я часто играла в дартс, даже числилась в дартс-клубе в Лос-Анджелесе.

– Проще простого, – усмехаюсь я, уже собираясь кидать дротики, но меня останавливает «инструктор».

– Перед каждым броском нужно делать глоток из своего стакана.

Ребята хохочут и перешептываются, кто-то в открытую заявляет, что я не выдержу. Это задевает мое пьяное эго, так что я с вызовом выпиваю сразу три глотка и три раза подряд попадаю точно в цель.

– Охренеть! – слышу позади себя ошеломленный возглас

Джулии. – Давай, Эмили, надери им задницы!

Меня пробирает смех. Чувствую, как с каждым глотком мутнеет разум, но в венах вскипает азарт, и желание показать толпе, что чего-то я стою, подбавляет масла в огонь, заставляя схватить очередной дротик.

Мама всегда говорила, что у меня прирожденный талант, восхищалась моим упорством.

– Я играю с победителем, – слышу знакомый голос и вижу блеск серо-голубых глаз.

Глава 11

Спор

Зал оживляется, и толпа пьяных студентов присвистывает одобряющие фразы в мой адрес.

– Пятнадцать из двадцати, – подсчитывает один из парней, когда я кидаю последний дротик.

– Это новый рекорд!

Адам молча подходит к доске и вытаскивает дротики. Кажется, он что-то задумал. Уж слишком спокойно он себя ведет.

– На что спорим, мистер Кинг? – Мой голос звучит дерзко, что искренне смешит Адама.

Наблюдая, как я пошатываюсь, он отвечает:

– На желания.

Я фыркаю. У него очень мало шансов. Три раза Адам промахивается, и меня уже поздравляют с победой, советуя пошлые и безрассудные желания для Кинга. Парень слушает возгласы, покачивая головой, а потом осушает бутылку пива и попадает точно в цель все оставшиеся попытки. Со счетом семнадцать из двадцати он выигрывает.

Земля уходит из-под ног, когда колючий взгляд Демона сталкивается с моим. Он подходит почти вплотную, так, что его тело касается моего. Мысли переворачиваются, непонятная волна желания загорается внизу живота. Мой пьяный

мозг почему-то безумно жаждет его прикосновений.

Адам наклоняется и шепчет мне на ухо:

– Готовься, малышка Грин, к веселой недельке.

Чеширская улыбка становится шире, глаза наполняются тьмой и безумием. Он еле сдерживает смех, берет бутылку пива и уходит, оставляя меня в полнейшем ступоре.

Вечеринка переходит на новый уровень. Разгоряченные парочки удаляются на второй этаж: кто-то вдвоем, кто-то втроем, а кто-то в гордом одиночестве засыпает, не доходя до лестницы. Я замечаю, как одну пьяную девушку два парня ведут на второй этаж, и меня передергивает от неприятных мыслей.

Перед глазами двоится, но я все равно плетусь на кухню, чтобы залить спиртным горечь поражения Демону. Я теряюсь в пространстве, а громкая музыка превращается в сплошной гул. В ушах звенит, и как только веки закрываются, между висков взрываются тысячи звуков. Я зажмуриваюсь, и чьи-то губы начинают целовать мои, руки гуляют по моим бедрам и талии. Нутром я чувствую, что это Адам, и отвечаю на поцелуи. Губы опускаются, оставляют мокрый след на моей шее.

– Адам, – шепчу я.

– Называй меня, как захочешь, крошка, – отвечает чужой голос, и я резко распахиваю глаза.

Тошнота подкатывает к горлу: нет ни татуировок, ни горького аромата, ни серо-голубых глаз. Передо мной стоит

незнакомый парень, и его ладони жадно лапают меня за талию.

– Отвали, – кричу я, пытаюсь вырваться из силков.

От происходящего становится так паршиво, что кажется, будто на меня вылили ведро грязи. К глазам подступают слезы. Я оглядываюсь и замечаю, что танцы подошли к концу: большинство студентов разошлись по домам, кто-то уснул на первом этаже, кто-то – на лестнице.

Я ищу Джулию. Не найдя ее, решаю подняться наверх. По шуму и смеху становится ясно, что вечеринка переместилась на второй этаж и закрутилась с новой силой, но уже в интимной ключе. Я заглядываю в комнаты: в одной играют в карты на раздевание и, видя меня, приглашают присоединиться, в другой пьяные студенты штабелями лежат на кровати и на полу. Из следующей доносятся громкие вздохи и стоны.

Атмосфера стоит настолько неприятная, что хочется сорваться домой, но в пьяном состоянии опасно выходить на улицу, так что лучше найти свободную комнату и отоспаться. В конце коридора настежь распахнута дверь. Из спальни тянется приглушенный свет. Я уже предвкушаю сладкий сон, так как усталость и алкоголь наливают свинцом веки, но как только я заглядываю в комнату, сон снимает рукой, и я становлюсь трезвой.

На кровати лежит та самая блондинка в нижнем белье красного цвета, а рядом с ней – Адам, и он страстно целует ее. Девушка изгибается под его прикосновениями, с ее губ

срываются томные вздохи. Я замираю. При тусклом свете татуировки Адама переливаются: на широких плечах застыли надписи, разноцветные узоры и замысловатые животные. Его левая рука поднимается по ее телу, и на тыльной стороне ладони показывается птица с распростертыми крыльями, точно на взлете.

Легким движением пальцев Адам снимает с блондинки лифчик, и его взгляд устремляется на меня. Вся моя жизнь проносится перед глазами, но парень продолжает целовать девушку и спускается поцелуями к ее груди. На его лице – довольная ухмылка.

Необъяснимое чувство стыда вперемешку с обидой разрывают сердце. Я чувствую, как по щекам скатываются слезы, и убегаю на первый этаж.

– Вот ты где! – восклицает Джулия, перехватывая меня на лестнице. – А я тебя везде ищу.

Девушка заглядывает мне в глаза и встревоженно вскидывает брови.

– О боже, Эми, что случилось?

– Поехали домой, – шепчу я, когда она обнимает меня за плечи.

Глава 12

Рассвет

Когда Джулия заказывает такси, я иду в ванную и умываюсь ледяной водой. В отражении зеркала стоит заплаканная идиотка, и мне становится тошно от собственного вида.

«Долбаная вечеринка, чертов ублюдок, как он вообще смеет так поступать? – рычит во мне зверь. – И какого черта меня так задело, что он лизался с этой стервой? Пусть спит с кем угодно!»

С каждой отрезвляющей минутой чувство стыда усиливается, и я пытаюсь найти логическое объяснение своим эмоциям. В этом году слишком многое свалилось на мои плечи, и алкоголь позволил потаенным страхам, копившимся так долго, вырваться наружу.

Перед глазами снова появляются два тела, льнувшие друг к другу, воспоминание возрождает стоны блондинки и демонический взгляд Кинга. Как будто все, что я видела, было сыграно специально для меня. Мастерская сцена только для одного зрителя. Адам получал истинное удовольствие, убаюкивая на моих глазах девушку, при этом показывая, что пользуется ею, как ненужной вещью. Истинный Демон.

От подобных размышлений мне становится плохо. Я выхожу из ванны, а у двери меня уже ждет Джулия.

– Ты в порядке? – взволнованно спрашивает она.

– Все отлично, просто перебрала.

– Ох, уж этот алкоголь. Однажды я напилась так сильно, что меня все братство откачивало.

Не знаю почему, но я искренне усмехаюсь, и Джулия взрывается хохотом вместе со мной. Эта девушка вдохновляет меня, очаровывает. Хотелось бы и мне так непринужденно рассказывать о проблемах, как она рассказывает о своих.

Я оглядываюсь – на первом этаже все будто вымерли, музыки давно стихла, и, судя по тусклому свету в окне, уже светает. Время прошло незаметно. Несмотря на выходку Адама, я отлично провела вечер.

На улице нас поджидает такси. Сонный водитель лениво трогается с места, и мы отправляемся домой. Я долго уговариваю Джулию остаться у меня, но девушка отказывается.

– Скоро ведь выдвигаться на пары. Я не смогу пойти на учебу в платье и на шпильках.

Водитель останавливается около общежития, и мы с Джулией прощаемся. Девушка искренне радуется, что мы провели время вместе, а я безумно счастлива, что нашла хорошую подругу.

– Увидимся в университете. – Она одаривает меня своей милой улыбкой и выходит из машины.

Я считаю улицы до дома, тихонько подпевая песне, играющей по радио, и нервно барабаню пальцами по стеклу. Со стороны я, наверное, выгляжу как нетерпеливый ребенок, который ерзает на сидении и постоянно спрашивает «мы

приехали?» Единственное непреодолимое желание – это сон. Я так мечтаю упасть в свою постель и хорошенько выспаться. Меня не смущает даже то, что до пробуждения осталась какая-то пара часов. Такси сворачивает на мою улицу, и я уже вижу маленький, но такой уютный домик, в котором каждый угол, каждая трещинка на потрепанных обоях дорога и близка мне. Мой крошечный мир, полный добрых и светлых воспоминаний. Именно поэтому я решила переехать сюда: здесь я всегда была счастливой.

Я плачу за такси и выхожу из машины, разглядывая красивые блики проснувшегося солнца в отражении окон. Из-за горизонта крыш украдкой пробиваются первые лучи. Над городом нависает туманная дымка, а в воздухе гуляет свежий запах нового дня. Я провожу рукой по волосам, чувствую оседающую влагу и улыбаюсь, вдыхая полной грудью. Вот такая погода мне по душе.

Захожу домой и сразу поднимаюсь в спальню. Алкоголь все еще дает о себе знать, и я нелепо спотыкаюсь на ступеньках, покачиваясь в разные стороны. Как только голова касается подушки, глаза закрываются, и меня моментально накрывает сон.

– Эмили, – шепчет родной голос. – Милая моя девочка.

Только мама называла меня полным именем. Только ей я позволяла себя так называть. Глаза матери светятся добротой и лаской. Она улыбается и заключает меня в теплые объятия.

– Бабушка приготовила шарлотку? – спрашиваю я, слыша запах яблочного пирога.

– Поспи еще, солнышко, – шепчет родной голос и моих волос касается ее рука.

Я слышу ее смех, вижу мелкие морщинки, притаившиеся в уголках ее карих глаз. Мама всегда говорила, что лучистые морщинки – признак доброты. Казалось, она знала ответы на все вопросы. Иногда ей хватало одного взгляда, чтобы понять, что у меня на душе. Ее было бессмысленно обманывать, от нее ничего не получалось утаить.

– Мам, – шепчу я. – Что мне делать?

– Слушай свое сердце, Эмили, и не повторяй моих ошибок.

Глава 13

Завтрак

Я просыпаюсь под громкий стук в дверь. Настойчивый, сильный, грубый. Кто-то ломится в мой дом, и, кажется, что входная дверь вот-вот развалится на части под безжалостным натиском.

Я быстро спускаюсь на первый этаж.

– Кто это! – Парализующий страх останавливает меня недалеко от порога и не позволяет посмотреть в глазок.

– Открывай! – слышится знакомый, рычащий голос Демона.

– Какого черта, Адам?

Стены перестают ходить ходуном, и оглушительный грохот затихает. Я открываю дверь и сталкиваюсь с ухмылкой Кинга. Он нагло врывается в коридор и направляется на кухню. Адам поправляет взъерошенные волосы, и я замечаю на выбритом виске узоры татуировки, которой раньше не видела. Интересно, у него на теле вообще есть свободное место?

– Ты ничего не перепутал? – Во мне закипает злоба, когда парень садится за стол. Его фривольное поведение не может не раздражать.

– Проголодался, – пожимает плечами Кинг.

– Тебе тут не ресторан, пусть твоя новая пассия готовит тебе завтраки.

– Трахается она лучше, чем готовит. – Адам разводит руками. – Ты проспорила, Эмили.

– Эми, – раздраженно поправляю я.

– Выполняй условия спора, Эмили.

Я покачиваю головой. Неужели он действительно считает, что спор что-то значил? Я никогда не буду прислуживать этому человеку.

– Ладно. – Демон встает из-за стола. – А мне показалось, ты хотела узнать, что случилось с твоей мамой.

Сукин сын!

Я проглатываю ругательства, собираюсь с мыслями и закипаю изнутри, но в итоге сдаюсь и открываю холодильник, чтобы приготовить ему чертов завтрак. Кинг улыбается, возвращаясь на место, и подгоняет меня, присвистывая едкие фразочки. Я сжимаю кулаки и молча достаю хлеб, абрикосовый джем и фрукты. Парень пристально наблюдает за каждым моим движением, прищурившись, словно довольный кот. Ставлю чайник, режу фруктовый салат и делаю тосты.

Демон задумчиво разглядывает поданный завтрак, а я наивно гадаю, какие темные мысли закрались в его голову. Он натыкает на вилку кусочек банана, отправляет в рот и тщательно пережевывает. Потом отпивает кофе. Я же рассматриваю парящую птицу на его руке, красные цветы, паутина. По плечу ползет нечто похожее на сколопендру с одним большим глазом. Татуировки Адама хаотичны. На первый взгляд кажется, что в них нет смысла, и все же они так же

безумны и непонятны, как и их хозяин.

Демон замечает, что я с интересом изучаю его, и меняется в лице. Он поднимает тарелку и со всей силы бросает ее в стену, едва не задев меня. От неожиданности я вскрикиваю и ошеломленно округляю глаза.

– Ты бы мне еще шпинат предложила, – выплевывает Адам. – Что это за трава?

– Фрукты, – испуганно отвечаю я.

Он подрывается из-за стола.

Как бы мне хотелось, чтобы он просто ушел. Его поведение вселяет настоящий ужас! Он непредсказуем, как дворцовый пес, который приветливо виляет хвостом, а потом впиивается зубами тебе в ногу.

Демон достает ключи от машины и кидает мне.

– Поехали.

– Куда?

– За нормальной едой.

Собираюсь кинуть ключи ему в физиономию, заорать, чтобы он убрал за собой весь срач, а потом в дополнение к прочему вылить ему за шиворот недопитый кофе! Но я сдерживаюсь.

Нужно потерпеть всего неделю, и тогда я узнаю, что случилось с моей мамой. Ради этого я готова проглатывать безумные выходки. Я послушно иду переодеться в надежде, что пока я привожу себя в порядок, Адам умрет от голода. Но от Кинга не так просто отделаться. Слышу протяжный

гудок автомобиля и закатываю глаза. Я подхожу к окну и вижу его старенький Форд Мустанг. Несмотря на скверный характер, чувства вкуса ему не занимать. Дорожная классика всегда привлекала меня больше, чем дорогие машины. Адам вновь жмет на гудок, из-за чего звенит в ушах, и я спускаюсь быстрее.

Парень устроился на пассажирском сиденье и смотрит на меня оценивающим взглядом. На лице играет странная ухмылка. Когда я открываю дверь, он приветливо хлопает по водительскому месту.

– Издеваешься? – выпаливаю я, понимая, что он предлагает мне сесть за руль.

– Господи, Эмили, какая же ты зануда.

Его слова звучат как вызов. Я запрыгиваю в салон и завожу двигатель. В конце концов, нужно во всем искать плюсы: не каждый же день удастся поехать на такой прекрасной малышке. Сдерживаю довольную улыбку, когда втягиваю приятный запах кожи. Салон выглядит как новенький, а звук двигателя басисто урчит, не то что моя рухлядь. Мустанг в отличном состоянии, хоть и старше меня. Видимо, Адам его отреставрировал.

– Так-то лучше, – бубнит парень, и глаза его слипаются, – поехали в бургерную.

– Это ты называешь нормальной едой?

– Лучше, чем твоя веганская стряпня.

Пальцы крепко сжимают руль, а скулы сводит от напря-

жения. Если бы взглядом можно было убить, Адам давно бы отбросил коньки. В глазах Демона сверкают искры. Он будто питается моими эмоциями, как энергетический вампир. Надо перестать вестись на провокации, и тогда, возможно, ему станет скучно издеваться надо мной.

Когда мы подъезжаем к небольшому кафе, Адам уже спит. Лежит, откинувшись на переднем сиденье, и сладко дремлет, скрестив на груди руки. Я смотрю на его спокойное и умиротворенное лицо, разглядываю точеный профиль, широкие скулы, слегка припухшую нижнюю губу и угловатые брови. Даже татуировки не портят красоту его лица. Адам очень симпатичен, особенно когда молчит. Он похож на обычного парня, а не на убийцу или злодея, избивающего до полусмерти своих бывших друзей.

– Ну и чего мы ждем? – спрашивает Адам, не открывая глаз.

Вот черт, он все это время не спал!

– Приехали.

Адам заказывает себе сразу пять двойных чизбургеров и жадно поедает их, причмокивая и дразня меня. Он так вкусно ест, что даже мне хочется попробовать, но я гордо поглощаю свой салат. Мы сидим напротив друг друга и, судя по странным взглядам окружающих, выглядим весьма специфично. На фоне Адама я кажусь серой мышью и периодически ловлю на себе завистливые взгляды девушек. Так и хочется сказать, что завидовать нечему.

– Почему ты не ешь мясо? – спрашивает Адам.

– Я просто к нему равнодушна.

Мой ответ его удивляет, и он протягивает мне свой чизбургер.

– Кусай. – По его взгляду видно, что он не шутит.

Я отрицательно покачиваю головой.

– Да ты хоть пробовала?

– Нет.

– Серьезно? – удивленно восклицает парень, и за соседним столиком оборачиваются люди. – Как тебя земля носит? Ты вообще американка?

– Я пробовала в детстве, но мне не особо понравилось.

Его глаза округляются, и он потягивает из трубочки ледяную колу.

– Просто попробуй.

Я фыркаю, беру чертов чизбургер и откусываю немного.

Неплохо. Весьма неплохо.

– Ну?

– На вкус как твой характер, – отвечаю я и морщусь. – Такой же противный.

Парень забирает у меня чизбургер, и на мгновение я улавливаю еле заметную, искреннюю улыбку. Он отпивает колы и показывает мне средний палец.

Глава 14

Рай и ад неразличимы

– Мы плетемся как улитки, Эмили, – недовольно бормочет Адам.

– Если не нравится, садись сам, – взрываюсь я, чувствуя, что близка к убийству человека.

Адам трясет полупустой бутылкой пива, которую купил в кафе перед уходом, и изображает ангельскую гримасу.

– С каких это пор тебя волнует закон?

– Личные принципы, – задумчиво бросает парень, отворачивается к окну и замолкает.

Несмотря на то, что я всю дорогу жаждала, чтобы он сидел молча, меня тревожит смена его настроения. Начинает казаться, что я чем-то его задела.

Мы подъезжаем к дому, и я без слов выхожу из машины. Меня передергивает от начинающегося дождя, и я спешу скорее укрыться в сухом месте. Адам не торопясь идет за мной, отчего раздражение накрывает с новой силой. Парень деловито заходит в мой дом и разваливается на диване, бубня под нос странную, не знакомую мне песенку. Стараюсь не обращать на него внимания и направляюсь собирать сумку для университета.

На первую пару я уже опоздала, надеюсь, хоть на оставшиеся попаду.

С первого этажа доносится музыка из моего старого магнитофона. Узнаю мелодию с первых нот и блаженно закрываю глаза, тихо подпевая словам.

*Ну что, сможешь ли ты отличить
Рай от ада? Небеса от боли?
Считаешь, что отличишь зеленое поле
От стальной ограды?
А улыбку от маски
Сможешь ли ты отличить?¹*

Я закрываю глаза. Из всех дисков он достал именно этот. И включил именно эту песню. Мою любимую, слова которой давно выучены наизусть.

Спускаюсь и вижу, как он лежит на диване, слегка покачивая головой в такт музыке. Глаза Адама закрыты, на лице застыло умиротворение. Я выключаю магнитофон, на что парень возмущенно стонет.

— Я еду в универ. — Мне с трудом удастся придать голосу металлические нотки.

Адам следует за мной, точно призрак, подходит к машине и впяливает взгляд в разбитое стекло, пока я вожусь с гаражом.

— Там дождь, — тихо говорит он.

¹ Перевод песни «Wish you were here» (Pink Floyd). So, so you think you can tell
Heaven from hell, blue skies from pain
Can you tell a green field
From a cold steel rail, a smile from a veil
Do you think you can tell?

Я вспоминаю, как Адам в первый день нашего знакомства разбил окно, и фыркаю. Теперь из-за него мне приходится мокнуть в дождливую погоду.

– Поехали на моей, – предлагает парень спокойным тоном.

Силюсь уловить хоть малейший намек на шутку или сарказм в его глазах.

– Нет уж.

Демон молча захлопывает дверь гаража, ловко перехватывает ключи от машины и говорит:

– Поехали. Иначе я останусь у тебя дома и наконец дослушаю песню «Пинк Флойд».

«Черт».

Парень еле слышно посмеивается, наблюдая, как я бегу к машине, шипя от дождя, будто разъяренная кошка. Он неторопливо садится на переднее сиденье и трясет головой, стряхивая с волос капельки дождя.

Бесит.

Едем мы, не разговаривая. Адам то и дело цокает, проявляя таким образом свое недовольство по поводу моего вождения, но я не обращаю внимания. Сидеть за рулем этой прекрасной красотишки просто божественно, мне даже не хочется выходить, когда мы подъезжаем к университету.

Паркуюсь на легендарном, проклятом месте, беру сумку и выскакиваю из автомобиля. Надеюсь, никто не увидел, что мы приехали вместе.

Особенно Том.

При воспоминании о парне у меня щемит сердце, и, как назло, в первом же коридоре я встречаю именно его. Глаза Флинна при виде меня сужаются. Он хватает меня за руку и настойчиво отводит в сторону.

– Эми, ты что творишь? – В голосе Тома звучит горечь. – Зачем ты связалась с ним?

Слухи в городе Лафайет распространяются невероятно быстро.

Я не знаю, что ответить, и опускаю взгляд.

– Это назло мне, верно?

– Нет.

– Тогда почему, скажи мне? Ты же его терпеть не можешь. Я чувствовал себя так паршиво, когда ты узнала, что мы были друзьями, а теперь вы вместе.

– Что? – От удивления я начинаю часто моргать.

– Мама видела вас сегодня в закусочной, – выпаливает Том. – Из всех заведений нашего города вы решили позавтракать именно в кафе моей матери.

У меня отваливается челюсть. Переубедить Тома нет смысла.

– Том, я...

– Твою мать, Эми! Что я тебе сделал?

От шока у меня цепенеет тело. Конечно же, Адам знал, куда мы едем. Он сделал это специально. У меня больше нет объяснений.

– Моя мама не осталась в Лос-Анджелесе, – выдаю я на одном дыхании, пытаюсь хоть как-то оправдаться. – Она пропала год назад. Адам знает, где она, но ничего не говорит.

Том делает шаг назад и хватается за волосы. В его взгляде невероятная злость и обида. Мне становится чертовски гадко оттого, что я уже в который раз делаю ему больно.

– Прости меня, Том, – шепчу я, чувствуя, как трясутся губы.

Голубые глаза наливаются холодом. Он качает головой, будто пытается избавиться от дурных мыслей, и уходит прочь, оставляя меня с новым грузом на сердце.

Глава 15

Скорость

Весь день я обдумываю различные способы убийства Адама Кинга. Не могу рассуждать ни о чем другом, кроме его уничтожения. Как назло, он не появляется в университете: его нет ни в столовой, ни на занятии по философии. Кинг будто растворился, предчувствуя свой страшный конец.

Я отдаю мистеру Блэку статью, и он, не читая, говорит:

– Очень хорошо. Ну как впечатления от работы журналистом?

– Вы были правы. Возможно, мне стоит задуматься о писательстве.

На его лице появляется легкая улыбка, кажется, он доволен тем, что я согласилась с его мнением. Мистер Блэк откидывается на спинку стула и откладывает мою работу на стол.

– Журналистика требует жесткого подхода, но я не увидел в вас жесткости, мисс Грин. Вы решаете проблемы дипломатическим путем и часто не в свою пользу.

Мне хочется возразить, ведь он ничего обо мне не знает. Я не конфликтую не потому, что у меня такой характер, а потому что я совершенно одна, и заступиться за меня некому.

– Эми, – он указывает на меня пальцем, – почему вы соврали тогда на парковке? Думаете, я не наслышан об Адаме Кинге и его выходках?

Мне нечего ответить. Да, я решила взять вину на себя, ведь прекрасно понимала, что Адама не накажут, а он в свою очередь начнет сильнее меня изводить. Вместо того, чтобы бросить ему вызов, я замяла конфликт.

Видимо, мистер Блэк догадывался об этом с самого начала и потому захотел проверить меня, дав такое сложное для первокурсницы задание.

– Возможно, вы правы, – говорю я, опуская взгляд.

– Вам есть, чему поучиться у этого сорванца. Несмотря на все его выходки, он волен делать то, что ему хочется. В нем есть стержень.

В глубине души я с ним не согласна, но решаю не спорить и прощаюсь, отчего мистер Блэк вновь убеждается в мягкости моего характера.

Я ухожу, отмечая возникновение странного чувства. Рядом с Адамом во мне появляется тот стержень, о котором говорит преподаватель, но страх все равно берет верх над желанием измениться. Я прогибаюсь под любыми проблемами, бегу от них, когда нужно упрямо смотреть им в глаза.

Я выхожу на парковку и внезапно замечаю счастливое лицо Адама. Он стоит возле своей машины, опершись о нее задом, и попивает пиво. При виде меня на его лице появляется злорадная ухмылка.

Каторга продолжается.

Хочется подойти и врезать ему по довольной физиономии за то, что он рассорил меня с Томом. Я собираю всю волю

в кулак, чтобы хорошенечко ему вмазать. С каждым шагом набираюсь решимости, готовясь к удару.

– Что с твоим лицом, Эмили? – Чеширская улыбка обескураживает, а сердце начинает предательски биться как сумасшедшее. – Живот болит? – Адам изображает беспокойство, но его хитрые глаза не врут: он все знает.

– Ты... – Во мне вспыхивает злость. – Ты придурок!

– И это все, что ты придумала за целый день?

Щеки краснеют, уши горят, но мне не хватает храбрости высказаться. Его смеющийся взгляд смущает меня и заставляет прикусить язык.

Парень цокает и покачивает головой, наслаждаясь моей слабостью. В этот момент я понимаю, что он и вправду настоящий энергетический вампир, питающийся эмоциями. Именно по этой причине он не оставит меня в покое, пока не выпьет мою кровь до последней капли.

Адам протягивает ключи, и я резко выхватываю их из его пальцев. Моя злость его забавляет. Он довольно улыбается и садится на переднее сидение, а я – за руль. Появляется огромное желание разбить его машину, поцарапать ее, чтобы на его лице снова появилась ненависть, а улыбка исчезла.

– Смотри, там твой дружок, – присвистывает Адам, показывая на Тома, стоящего около своего джипа.

Я благодарю Бога за то, что Том разговаривает по телефону и не замечает нас. Не хочу делать ему еще больнее.

– Даже не попрощаешься с ним? – театрально ахает Де-

мон. – Вот это у вас дружба!

– Адам, – рычу я, сжимая руль крепче, – если бы не этот спор, я не сидела бы здесь. Через неделю у тебя не будет повода меня терроризировать.

– Смотря как ты будешь себя вести.

В его взгляде проскальзывает нечто необъяснимое, неуловимое. То, о чем знает только он, его демонический характер. Он включает магнитолу, и на всю громкость начинает орать тяжелая музыка. Я тщетно пытаюсь зажать уши и перекрычать нечеловеческие крики. Тянусь к магнитоле, но Адам перехватывает мое запястье, смеясь и мотая головой как рок-музыкант.

Сколько моих нервных клеток убил этот парень за последние пару дней? Не сосчитать. Я вырываю руку и делаю тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.